

КАК ЭТО БЫЛО

От паразита-омелы к ёлочке-красавице

Новогодние традиции в водовороте истории

Вроде бы до Нового года ещё далеко, а наши города уже украсились красавицами-елями с яркими шарами и нарядными гирляндами. А на некоторых входах в квартиры появились рождественские венки из ветвей елей и можжевельников. Обычай декорировать вход в жилище к Новому году возник ещё во времена друидов, и вот теперь распространился по всему миру.

Кельты использовали для этого ветки растущей на деревьях и питающейся их соком вечнозелёной омелы. Ангlosаксы могли воевать с кельтами сколько угодно, но и они стали украшать дома омелой. На Руси почитали вербу. Всё ещё чёрное, зимнее, а для вербы, как и для омелы, уже наступает весна. Вербохлёст стал торжеством, утверждавшим плодородие, стойкость, волю к жизни. Родители хлестали детей, парни — девушек. Вербовыми прутиками били даже скотину — чтоб стала живучей: «Верба хлест, бей до слёз!»

Вот германцы почитали дубы и ели... На дубы, деревья мифологического бога Одина, вешались жертвы — люди и животные. Ель почитали не так свирепо: выбрав красивую ель, в день солнцеворота украшали её свечами и красивыми ленточками. Архиепископ города Майнца, прославившийся как «апостол всех немцев», святой Бонифаций, изменил почитание деревьев. В начале VIII века епископ путешествовал с вооружённой свитой, крестил язычников и основывал церкви. Близ Гайсмара стоял дуб Тора — тоже священное дерево германских язычников. «Я срублю дуб Тора! — заявил Бонифаций. — И вы узнаете, что Тор — ложный бог!»

Язычники ждали — когда же молния испепелит святотатца?! А когда рухнул дуб, взмолились: как же им отмечать Рождество?! Тогда Бонифаций указал им — под дубом росла маленькая ель. Якобы с тех пор германцы стали не уходить в лес к ёлкам, а поклонялись им, принеся в дом. Вечнозелёная ель служила образом «райского дерева». Дерево украшали яблоками — символами запретного плода, печеньем и красивыми игрушками.

С XVI века «рождественское дерево», «христово дерево», «райское дерево» стало обычным символом Рождества... Но в Англии по-прежнему важнее была омела, в России — верба. Хотя принятие христианства изменило смысл поклонения вербе. Вступающего в Иерусалим Христа приветствовали

Подпись 1

с ветками финиковой пальмы! Хорошо тем, в чьей земле растут пальмы! Нам пришлось заменить пальму вербой...

Неправда, что ёлку в российские дома принёс Пётр и произошло это через Москву... Он велел праздновать Новый год 1 января 1700 года, пускать ракеты, зажигать огни и украшать Москву: «По большим улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных против образцов, каковы сделаны на Гостином дворе». «Людам скудным» предписывалось «хотя по древцу или ветве на воротах или над храниною своей поставить... а стоять тому украшению января в первый день».

Самыми ревностными исполнителями приказа стали... кабатчики: на протяжении XVIII века обозначавшие вход в кабаки еловыми ветвями, отчего горького пьяницу прозывали ёлкиным. Но в дома ёлку на Рождество россияне не несли. В домах она появилась, во-первых, только в XIX веке, а во-вторых, произошло это в Петербурге, куда её привезли немцы. Никому они свои обычаи не навязывали, но в 1817 году её установили в личных покоях императорской семьи, в Москве, а на следующий год — в Аничковом дворце, в Петербурге.

На Рождество 1828 года Александра Фёдоровна, уже императрица, организовала первый праздник «детской ёлки» для пяти своих детей и племянниц — дочерей великого князя Михаила Павловича. Осмелюсь напомнить, что Александрой Фёдоровной в православном крещении стала немецкая принцесса из Дома Гогенцол-

лернов, Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская. Так что рождественская ёлка пришла в российские дома с этой «полунемецкой» династией.

До начала 1840-х годов императорская семья оставалась единственной ставившей рождественскую ёлку. Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь никогда не описывали рождественской ёлки, только русские святочные традиции: маскарады и балы. В начале 1840-х появляются упоминания о о продаже в петербургских кондитерских «прелестных немецких ёлок, убранных сладостями, фонариками и гирляндами». И что «в русских домах принят обычай немецкий... украшают... деревцо как только возможно лучше, цветами и лентами, навешивают на ветки вызолоченные орехи. Красненькие, самые красивые яблоки, кисти вкусного винограда... всё это освещается множеством восковых свеч, прилепленных к веткам, а иногда и разноцветными фонариками».

В 1848 году Фёдор Достоевский в рассказе «Ёлка и свадьба» упоминает ёлку как уже что-то обычнее. В начале 1850-х годов их стали продавать у гостиного двора приезжавшие специально с ними в город крестьяне, чаще всего финны.

Первая в России публичная ёлка была организована в 1852 году в здании петербургского Екатерингофского вокзала. Вскоре публичные ёлки стали устраивать в зданиях дворянских, офицерских и купеческих собраний, в клубах, театрах. В Москве ёлки стали ежегодными в зале Благородного собрания, но в дома их начали приносить только в 1860-е годы. В провинции же

«немецкая забава», «столичная забава» утвердилась не ранее 1870-х, и то не повсеместно.

Обычай шёл «сверху вниз» и долгое время был откровенно «статусным». Богато украшенные ёлки могли стоить и 20, и даже 200 рублей — годовой заработок мастерового. Приглашение на ёлку знакомых и их детей стало возможностью показать свой вкус и зажиточность. Важно было не скупиться на украшения. После праздника во дворцах и домах состоятельных горожан было принято отдавать ёлку слугам.

Со второй половины XIX века на ёлках начали развешивать картонные игрушки: гирлянды, транспаранты, китайские фонарики. В конце XIX — начале XX века появились в продаже особые ёлочные украшения, в том числе стеклянные шары, сначала немецкого, затем российского производства. В 1900 году в Петербурге, в магазине Гебгардта и у Петто, продавали ёлочные украшения: «...бусы, снег и амуры из невоспламеняющейся ваты, обезьян, флаги, сусальное золото, стеклянные шары, бонбоньерки, диамант-пудру, бенгальские огни, зажигательные нитки, комнатные фейерверки». Кондитерская Абрамова готовила к Рождеству «хлопушки, дожди золотые, пряничные, миндальные, мятные фигуры, восковые свечи, бусы из конфет, пастилу, драже и мармелад».

Продавались «дрезденские», клеенные из картона фигурки. На ёлках раскладывали имитирующие снег кусочки ваты, усеянной блёстками, растягивали нити серебряного и золотого дождя, были очень популярны хлопушки и бенгальские огни. В комнате, где ставили ёлку, было принято ставить много

цветов в вазах, украшали цветами и саму ёлку. Рождественское дерево увенчивали Вифлеемской звездой, сиявшей в небе предвестницей Рождества, украшали разными блёстками. Блеск огней и свечей на ёлке символизировали сияние «благодатного света», пронизывающего мир после Рождества. Простые люди отлично обходились деревьями, собственноручно срубленными в лесу. Ёлка прочно вошла в российский быт: соединение религиозного обряда, Нового года, семейного праздника.

Церковь относилась к возникшей традиции настороженно: как к обычаю «иноземному» и по корням своим — языческому. В канун Рождества Синод традиционно напоминал об этом. Что не мешало ставить ёлки и в домах священников, устраивавших ёлки с подарками для детей своих прихожан.

В 1892 году в Мариинском театре впервые был поставлен под Рождество балет «Щелкунчик» на музыку П.И. Чайковского. С тех пор петербургская традиция постановки «Щелкунчика» на Рождество стала широко воспроизводиться в европейских странах. Музыка к балету сопровождает праздничные ёлки во многих странах.

Большевики запретили ёлки как религиозный обычай... Но в 1935 году наряду со многими «восстановленными» обычаями «вернулась» и новая, «атеистическая» ёлка — уже как чисто новогодняя, не рождественская. 28 декабря в «Правде» появилась небольшая заметка Постышева: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям ёлку. Дети рабочих с завистью через окно поглядывали на сверкающую разноцветными огнями ёлку и веселящихся вокруг неё детей богатеев. Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятшек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как «левые» загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею».

С тех пор ёлка — неотъемлемая часть Нового года. Наследники многих народных традиций, мы приняли и переосмыслили древнюю германскую ёлку. Два года назад во Владимире, благодаря украшениям из 15 танцующих пар в народных костюмах, ёлка стала и символом многонациональной России. И остаётся символом всего, что идёт и идёт из Петербурга.

Андрей Буровский,
Санкт-Петербург

18 ПАНОРАМА**«ЛГ»-РЕЙТИНГ****Владимир Березин. Уранотипия.**

– СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. – 288 с. – (Азбука. Голоса).

Книга в лучших традициях постмодернистского исторического романа. Внутри романа образуются причудливые зеркальные лабиринты: герои видят друг друга во снах, а эпохи и пространства удваиваются, приглашая и читателя шагнуть в зазеркалье.

Виктор Шкловский. Зоо, или Письма не о любви. Сентиментальное путешествие. Жили-были. Письма внуку.

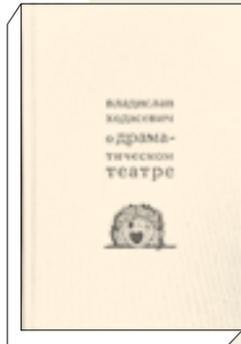
– М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2024. – 608 с.

В это издание вошли три произведения известного «предводителя формалистов» и «главного наладчика ОПОЯЗа», а также уникальный личный документ «Письма внуку».

Владислав Ходасевич. О драматическом театре: статьи 1910–1930-х годов / Сост., подгот. текста, коммент., предисл. В.А. Черкасова.

– М.: ГИТИС, 2024. – 432 с.

В этой книге, предназначенной для историков литературы и театра первой половины XX века, собраны тексты В. Ходасевича различных жанров из периодики 1910–1930-х годов, посвященные теме драматического театра.

КЛАСС ПРЕМИУМ**Награды от «Невского проспекта»**

Главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев стал первым лауреатом новой литературной премии «Невский проспект», учрежденной в Петербурге «Домом книги» (Зингера) совместно с «ЛГ».

Премии и памятные дипломы как лучшие авторы «Невского проспекта» получили также петербургские писатели Арина Обух и Любовь Федунова. Кроме того, Максим Замшев был отмечен как автор идеи и активный участник создания этого петербургского приложения к «ЛГ», выпускающегося при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со СМИ правительства Санкт-Петербурга. Цель этого проекта – пропаганда творчества писателей Северной столицы и распространение новостей о её культурной и литературной жизни.

В состав жюри премии, определившего лауреатов, в частности, вошли председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов, глава Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов и директор Дома книги Кристина Матвеева. А церемония вручения наград прошла в легендарной «Книжной лавке писателей» города на Неве.

Владимир Малышев

Фото: Павел Маркин

ПОДПИСКА 2025**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

А.С. Пушкин
М. Горький

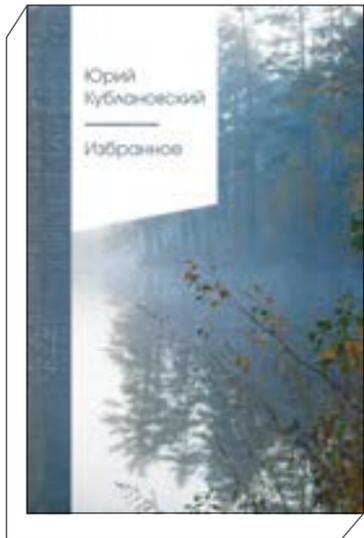
Жители РФ, в том числе Республики Крым, могут подписаться во всех почтовых отделениях и через почтальона на дому по индексам:

Каталог
Почты России: **ПР195**Каталог
Почты Крыма: **61749****Подписка онлайн****lgz.ru**
podpiska.pochta.ru

Также на сайте «ЛГ» открыта подписка на электронную версию газеты

БИБЛИОСФЕРА

На рубежах рассвета

Юрий Кублановский. **Избранное.**

— М.: Эксмо, 2024. — 336 с. — 1000 экз.

Взяв в руки изящный и вместе с тем необыкновенно плотный сборник (две с половиной сотни стихов!), я сразу же потянулся к полке за первым изданием форматно похожего «Избранного» с чёрно-белым фотопортретом Юрия Кублановского работы вдохновенного фотомастера Виктора Баженова, который умел сохранять в своём искусстве отсвет души запечатленного героя. Та книжка — тоже умещающаяся в ладони — вышла в 2006-м.

Я её и по сей день люблю, она издавна значится у меня, как «походная».

...На днях напоминаю поэту о прежнем «Избранном», предшествующем нынешнему, и он мгновенно спрашивает: «А что Баженов?» Вот узнал сейчас: увы, в мае прошлого года Виктора Петровича не стало... Светлая память.

Нынешний сборник, между первым и последним стихотворениями которого пролегал более полувека, не содержит фотографий автора.

Между тем «фасад» издания для поэта, бывшего в юности живописцем и оставшегося таковым в стихах, — важен (Юрий Михайлович всегда следит за движением книги от рукописи до оригинал-макета с пристрастием ревнивого родителя, да и как же иначе?).

Смотрю на цветной фотоснимок: два лесных мира, отражённых в подёрнутой туманом водной глади (озеро или река). В угол кадра деликатно-контрастно заглядывают осенние ветки прибрежного дерева да сохнувшие травяные колосья. Тишина. Открываю и вхожу в эту, пусть и хорошо известную мне, но всегда хранящую пространство тайн и открытий, совсем не маркесовскую «осень патриарха».

И сразу попадаю в лирический этюд (так и называется — «На этюдах»).

Древнее древнего: 1969 год. Когда-то это стихотворение именовалось «Октябрь» и входило в самую первую из двадцати пяти книг автора: в небесно-синий томик опять же «Избранного», составленного Иосифом Бродским и выпущенного заокеанским Ardis'om в далёком 1981-м. Именно эту книжицу и вытаскивали из упаковки с овсяными хлопьями брежневские жандармы, явившиеся в подмосковную Апрелевку, где поэт обретался с женой и маленьким сыном: с этого начался восьмичасовой обыск. А здесь —

...дворы безлюдные. Замшелые дрова.
Лицо и руки вымочила морось.

*Окрестный лес блестит,
как конский волос,
болотная поломана трава.*

*Приятель мой в тяжёлых сапогах
с этюдником в руке по грязи скачет.
И церковь разорённая маячит,
чуть видимая в четырёх шагах...*

Мог ли тогда «красивый двадцатидвухлетний» уроженец Рыбинска хоть в каком-нибудь сне предвидеть свой — как было сказано позднее в стихотворении «Для московских ребят...» — «таинственный путь»: со счастливо-мучительными вехами сам- и тамиздатства; с вынужденной, но плодотворной эмиграцией (книги «С последним солнцем», «Оттиск» и «Затмение»); с — отягощённым обидной невостребованностью — возвращением в отечество, проросшее новыми захватчиками 1990-х?

«...Полно, братья, ходить нам в товарищах и невидимках...» О да.

Мне, к счастью, не раз выпадало писать о поэзии Юрия Кублановского и о нём самом: и в «Литературной газете» к недавнему юбилею («Белый гвардеец», 2022), и не один раз в «Новом мире», и в журнале поэзии «Арион».

Помню, как я соорудил, волнуясь, послесловие к его пронзительному сборнику «Переключки» (2010), а до того пособлял в составлении книги стихов и статей по случаю присуждения Ю.К. премии Александра Солженицына (2006). Автор «Архипелага» тогда серьёзно хворал, и поэту не удалось получить знаковую награду из рук старшего друга, сомышленника и совопросника; к тому же Кублановского поставили в странную для его читателей «пару» к награждаемой одновременно с ним талантливой поэтессе-сверстнице, отвечающей за несколько иной творческий космос. Ну, как если бы разделили медаль между многоборцем и шахматисткой. Теперь всё — в истории литературы.

Нынешнее «Избранное», в отличие от двух предыдущих, Кублановский складывал сам.

Для давних его ценителей проговорюсь с оглядом: получилось столь же многослойно, исповедально и в высшем смысле «отчётно», как когда-то в собранном им — на тот момент самом полном — собрании стихотворений под названием «Дольше календаря» (2005).

...Если читать книгу медленно, следить не отрываясь за порой удивляющим своей откровенностью и несовременным простодушием героем; довериться ему, такому порывистосентиментальному (в начале) и усталозаматеревшему, но не растерявшему импульсивной чистоты (в конце), —

читательский труд вознаградится щедрой россыпью впечатлений и разнообразных переживаний. Ибо чего и кого здесь только не найдёшь!

О новой организации современной поэтической речи и бесконечном расширении словаря поэта — словом, о самом письме, так ценимом тем же Бродским, и не говорю.

Но вот, кажется, он всё и описал. Пережил и зафиксировал, мнится, все возможные душевные повороты. Изумился, раскаялся, восторжествовал. Протянул руку собратям — по обе стороны света. Предостерег. Оплакал. Вспомнил. И не найти, похоже, российского угла или простора, не преображённого его строчками. А финала — нет, да и не может быть, пока над седой уже головой ежегодно нарождается Тот, кому и приносятся, по сути, эти регулярные чёрно-белые столбцы... Мои впечатления неизменны: тайна и чудо.

Завершающее нынешнюю книгу стихотворение называется «Первая строчка». Дата под ним — прошлогодняя, напишу её не цифрами, но словами: две тысячи двадцать третий.

*...Из несусветного далека
струится между миров река
по-русски Волга, по святцам Лета.*

*Дремал у зыбей её, пока
не разбудила меня строка
впервые
на рубежах рассвета.*

Закрывая «Избранное», я подумал о тех, кто снова и снова доверится поэту и, вослед чтению, неизбежно двинется к своим делам, сохранив благодарно-памятное послевкусие от продолжающегося путешествия по этой удивительной «линии судьбы». Оно того стоит: а что ещё, если не настоящая лирика, может помочь уберечь — вослед сокрушительной молитве — читательскую душу от безблагодатной «цивилизации», в которой нет места заучиванию наизусть любимых строк, всплывающих в памяти посреди дня: будь то мысль о любимой женщине или об отроческом доме; тоска-печаль по братской дружбе и сыновье тяготение к Господу, к Его лечебным покровам...

И, конечно, я по-доброму завидую тем, для кого встреча с беззащитно-распахнутым и сокровенно-лирическим космосом Юрия Кублановского окажется открытием и щедрым подарком для души. Что ж, как сказано в Псалтири: «В долготу дней».

Павел Крючков
Переделкино

«Сокровище» на чердаке и другие секреты

Журналистика – интересное дело, но всему есть предел

В издательстве «Проспект» вышел сборник прозы Дмитрия Лиханова «Жизнь и смерть русского человека». Об этой и других книгах, о своём читательском опыте и пути в литературу, о нынешней и прежней журналистике Дмитрий Альбертович рассказал корреспонденту «ЛГ».

– Есть мнение, что всё начинается с детства. Какие книги увлекали вас в детском и подростковом возрасте, на произведениях каких авторов вы росли? Были ли у вас в то время любимые, «настольные», зачитанные вдоль и поперёк издания, о которых сейчас вспоминаете с теплотой? Какую роль в формировании вашего читательского опыта играла семья?

– Как вы знаете, я родился в семье писателя, автора книг для подростков, для отрочества. И, конечно же, в первую очередь я читал произведения своего отца. Первой, в рукописях, их всегда читала мама, а я – уже когда книги выходили из издательства. Родители приучали меня к хорошей, качественной литературе. Это были первые люди, с которыми мы говорили и спорили, которые давали мне советы. Благодаря родителям литература вошла в мою жизнь. У нас была огромная библиотека. Да она и сейчас частично осталась, просто мы постепенно начали передавать её фонды, книги с автографами известных писателей, в Киров, на нашу родину, в областную научную библиотеку имени А.И. Герцена. И теперь там есть папин фонд с автографами разных писателей и отдельно – мой, в котором, например, книги Габриэля Гарсиа Маркеса, подписанные мной. Возвращаясь к книгам, хочу сказать, что родители мне, конечно, советовали, что почитать. Я вообще в детстве много читал, сейчас дети, к сожалению, так не читают. Когда мне было восемь лет, я взял маленькую тоненькую книжку – «Ванина Ванина» Стендаля – и за один вечер её прочёл... Конечно же, я прочитал всю классику детской литературы. Это и «Дон Кихот» (причём я читал его не в адаптированном варианте, а сразу в академическом), и «Капитанская дочка», «Герой нашего времени»... Почти всего Жюль Верна, Майн Рида, Марка Твена...

А ещё в Кирове, у моей бабушки, было «сокровище». Оно находилось на чердаке и представляло собой старинный дореволюционный кованный сундук, набитый книгами. И когда я приезжал к бабушке

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Дмитрий Альбертович Лиханов – журналист и писатель, общественный деятель. Заслуженный журналист РФ. Член Союза писателей России. Лауреат многих премий. Награждён медалями «Участнику специальной военной операции» и «За вклад в укрепление обороны Российской Федерации». Родился в 1959 г. в Кирове. Окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. Стажировался на факультете филологии Гаванского университета. Сотрудничал в качестве корреспондента и публиковался в журнале кубинских интеллектуалов El Caiman Barbudo. В 1982 году стал корреспондентом газеты «Советская Россия». В 1985–1989 гг. – специальный корреспондент журнала «Огонёк». В 1989–1994 гг. – обозреватель газеты «Совершенно секретно» (в дальнейшем член редколлегии). Автор повестей «Прощай, Сирокко!», «Маленькое сердце», сборника новелл *Idie Fixe*, книг рассказов «Любовь до востребования», «Жизнь и смерть русского человека», сборника журналистских расследований «Жанры жизни», романов *Vianca*, «Звезда и Крест». Председатель Российского детского фонда, Фонда защиты детей, президент Международной ассоциации детских фондов, основатель Фонда сохранения творческого наследия Альберта Лиханова.

на каникулы, первым делом просил её дать ключ от чердака. Там я с трепетом открывал это «сокровище» в нём были подшивки «Крокодила» за шестидесятилетие, «Огонёк», в котором я впоследствии работал, и огромное количество дореволюционных книг, которые в то время уже не выпускали, замечательные старинные издания. Там я нашёл книгу Троцкого «1905», привёз её в Москву и дал почитать нашему учителю истории. А было же советское время! И, помню, мой папа дико рассердился, потому что тогда могли обвинить в троцкизме, а это серьёзная статья. Но ничего не произошло, учитель прочитал книгу и вернул её мне... Был в сундуке и дореволюционный журнал «Вокруг света»... Я до сих пор с приятной дрожью вспоминаю ту свою жизнь, без телефонов, интер-

нета, когда можно было провести целый день на чердаке, читая замечательные произведения, уноситься мыслями в другие страны и эпохи.

И, наконец, на меня, конечно, оказали влияние те советские писатели, что «проходили» через наш дом. Среди них – и, к сожалению, забытый ныне, детский писатель Анатолий Алексин, и Егор Исаев, и Сергей Михалков, и Виктор Астафьев, и Юрий Бондарев... Очень много людей, не просто хороших писателей, а классиков советской литературы побывали в нашем доме сначала в Москве, а потом за городом. Никого из них сейчас нет с нами, но я всем им благодарен. Потому что в той или иной степени они влияли на моё формирование – и как человека, и как писателя.

– Когда случился ваш дебют в качестве авто-

ра художественной прозы? Кого считаете своими наставниками в писательском мастерстве?

– К моему сожалению, мой путь в литературе начался поздно, потому что вся моя юность была отдана журналистике. Я активно ею занимался, мне это очень нравилось, я достиг определённых успехов, стал заслуженным журналистом Российской Федерации. Журналистика в то время давала возможность зарабатывать, чем я и занимался, нужно было кормить семью. Зарубежных премий я не получал, но крупные издания публиковали меня охотно. В конце 80-х – начале 90-х годов – на этот период пришёлся основной пик моей журналистской работы – я печатался по всему миру.

Хотелось ли мне в то время писать прозу? Нет, я даже не думал об этом. Отец – известный писатель, мне-то зачем лезть со своими, как я считал, скромными задатками? В общем, я начал довольно поздно. Первая моя книга – детектив, написанный в конце 80-х, на мой взгляд, вообще не получился. Я работал в отделе криминальных расследований и решил попробовать написать детектив. Писал я его долго, месяца три или четыре, он вышел маленькой книжкой, но немаленькой по тем временам тиражом в издательстве «Московский рабочий». Позже я начал роман про собаку – написал страниц десять и бросил. Лет через десять после этого поехал с товарищем на охоту на юг Архангельской области, но охоты не было. Товарищ мой ходил по лесу, а я сидел в избе и нашёл в своём компьютере те написанные десять страничек. Прочитал их. Показалось – неплохо. Когда нужно было уезжать, я подумал, что должен обязательно дописать эту вещь – иначе я не буду себя уважать. Я работал над ней полгода, отнёс в «Эксмо» – и небольшой роман *VIANCA* сразу же напечатали отдельной книгой. Я был окрылён и буквально через два месяца сел за новый роман. Эту книгу, «Звезда и Крест», я писал два года. Она сложная, прежде всего, для меня самого. В ней – две исторические линии: одна – начало 80-х годов, война в Афганистане, вторая – древняя Антиохия третьего века. И если о жизни в 80-х я знал, то, чтобы представить себе, как жили люди в Древней Антиохии в третьем веке, мне пришлось перелопатить множество источников, прежде всего древнегреческих. Написано о древней Антиохии было немного. Имелась одна очень древняя книжка. Её

автор Иоанн Малала фактически написал путеводитель по древней Антиохии. У нас эта вещь была переведена тиражом сто экземпляров Белгородским университетом. Я нашёл это издание, прочитал, и мне многое стало понятно.

Часть текстов в романе – на древнегреческом языке, с этим мне помогла сотрудница Ленинской библиотеки, возглавлявшая отдел древних рукописей и знавшая мёртвые языки. Так что книга получилась очень сложной, в ней переплетаются разные сюжетные линии. И объёмной – 600 страниц. Роман завоевал несколько литературных премий, вошёл в короткий список «Ясной Поляны». Говорят, что эта книга удалась.

А кто на меня влиял? Есть всего два писателя, к которым я прислушиваюсь, произведения которых с удовольствием перечитываю. Это Габриэль Гарсиа Маркес, которым я «зажёгся» сразу, как только прочитал «Сто лет одиночества» (в 70-х годах, когда книга вышла) и Виктор Петрович Астафьев. С ним я был достаточно близко знаком, у меня есть письма от него. Ещё в детстве один из первых своих рассказов отправил ему в Красноярск. Он прочёл его, объяснил, где слабенько, где и что лучше помянуть. После этого я с Виктором Петровичем не единожды встречался. Он был суровый интересный человек, и великолепный писатель.

– Как вы работали над сборником «Жизнь и смерть русского человека», недавно вышедшим в издательстве «Проспект»? Какие рассказы вошли в эту книгу?

– В последние годы моей жизни происходило много событий, которые отвлекали меня «от стола»: сначала скончался папа, потом ушла мама... Я не мог сесть и писать. А потом в какой-то момент понял, что время идёт, а с момента создания последнего романа прошло уже два года... И я решил, что надо что-то сделать. В новой книге я собрал разные рассказы, несколько из них раньше не публиковались. Самое главное в «Жизни и смерти русского человека» – последний раздел, «Город без Марии». И вот почему. 4 апреля 2022 года я приехал в Мариуполь, названный в честь Пресвятой Девы, теперь словно покинувшей город, – в то время здесь был просто Сталинград. Всё рвалось, взрывалось. Мы приехали с гуманитарной помощью, но я смотрел на всё прежде всего писательским взглядом. Я видел несчастных людей, которые буквально за два дня лишились

БИБЛИОСФЕРА

У каждого чуда есть правообладатель

всего, что у них было. Жили нормальной жизнью люди... И вот отключили электричество, газ, воду, тепло (это было в феврале!). Перестали работать магазины, аптеки. Зарплаты не выплачиваются. Бомбят со всех сторон. И когда люди этого всего лишаются, остаётся только надежда, что всё закончится и мы останемся живы. Но далеко не все остались живы. Много людей погибло, многие были ранены, потеряли своих близких. И я всё это видел. В посёлке Виноградное мы зашли в медсанбат, который был просто забит людьми. На носилках — молодая девушка. Осколок попал в позвоночник, когда она вышла за водой. И вот она лежит на носилках, рядом — молодой мальчик, её муж, и ребёнок, крохотная девочка... Таких человеческих трагедий сотни, тысячи. Порой я просто рыдал потому что никогда до этого войны не видел, а тут — увидел всё своими глазами... Это, конечно, был какой-то внутренний катарсис. И я решил, что обязательно надо написать обо всём, пока не забыл, пока всё живо во мне. Первый мой рассказ о войне называется «Обрубок». Он создан под впечатлением от увиденного, когда мы только подъезжали к Мариуполю. Перед нами был лес, в котором недавно шли бои. Стояли деревья, все обожжённые, посечённые осколками, с отрубленными ветвями... А потом я приехал уже в мае и смотрю — эти деревья цветут, они живы. Рассказ «Обрубок» о дереве, посаженном в советское время и пережившем войну, переведён на многие языки, опубликован в разных странах. В общем, для меня было важно эти рассказы («Обрубок», «Верный Марик», «Скажи, Господи!», «Аввадон», La vie est belle) опубликовать. Писал я их достаточно долго — чуть меньше года.

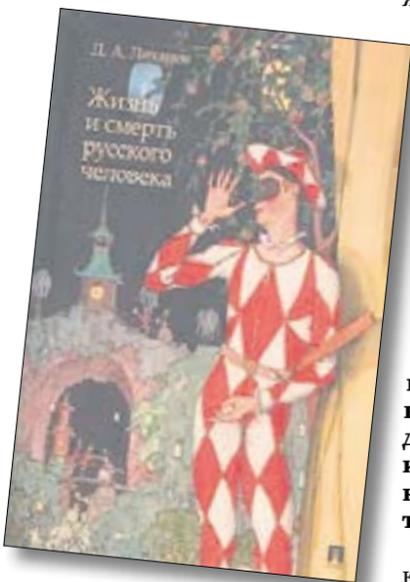
— Давайте немного поговорим о журналистике. Чем она интересна для вас, в чём её ключевое преимущество?

— У меня был очень хороший период, когда мы вместе с классиком нашей детективной литературы Юлианом Семёновым создавали газету «Совершенно секретно». Он меня, собственно говоря, и заманил — во-первых, хорошей зарплатой, во-вторых — синим служебным паспортом, с которым я мог ездить куда хочу, по всему миру, и в-третьих, свободой творчества. Тогда это ещё было возможно. В общем, журналистика — интересное дело, я с удовольствием им занимался. Но всему есть предел, и в какой-то момент, уже получив звание заслуженного журналиста РФ, я сказал: «Всё, хватит, занимаюсь теперь другим». И в моей жизни началась литература...

— Как вы считаете, в каком состоянии сегодня журналистика по сравнению с положением дел, скажем, десятилетия назад? Кажется, она изменилась,

причём не в лучшую сторону...

— Сегодня журналистика, увы, действительно, изменилась не в лучшую сторону, по сравнению с журналистикой, в которой я работал... Приведу пример. Была такая история с сержантом Лоунтри, морским пехотинцем США, служившим в американском посольстве в Москве. Эту историю о любви морского пехотинца из Америки, индейца по происхождению, и русской девушки Виолетты, которая работала телефонисткой в резиденции посла, я впервые узнал от Константина Эрнста, который сейчас возглавляет Первый канал. И я начал её расследовать. Работал я в «Совершенно секретно». История очень красивая: танцы под Рождество в особняке посла, ухаживания, цветы, любовь. Затем девушку вызывают в соответствующую структуру, она соглашается

“
Есть всего два
писателя, к
которым я
прислушиваюсь.
Это Габриель
Гарсиа Маркес и
Виктор Петрович
Астафьев.
”

сотрудничать с нашей разведкой, и через неё этот парень вербует и сдаёт советской стороне множество всяких важных секретов. Его арестовывают в Вене и сажают на длительный срок... Я знал, где работает Виолетта. Я пришёл в эту организацию, УПДК (Управление по обслуживанию дипломатического конкурса), сказал, что я журналист «Совершенно секретно». Мне говорят: «Очень хорошо, заходите». Я попросил посмотреть личное дело сотрудника, который у них работал. Мне предоставили всю информацию. Я начал звонить по тем местам, где она раньше работала, опрашивать людей и так далее. Вдруг раздаётся звонок из КГБ: «Дмитрий Альбертович, здравствуйте!» —

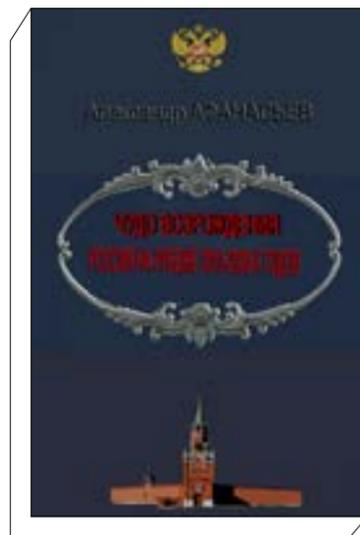
«Здравствуйте!» — «Мы знаем, что вы решили заняться историей с Лоунтри». — «Да, меня очень интересует эта история, я ею занимаюсь». — «Дмитрий Альбертович, приходите к нам, сядем, поговорим обо всём». — «Отлично!» Я уже многое знал об этой истории. Во Втором главном управлении (это контрразведка) мне устроили встречу с генералом, который вёл это дело, с ребятами-оперативниками... Они многое рассказали, показали и помогли мне в расследовании, за что я им очень благодарен. Понимаете, в чём отличие? А сегодня, я думаю, подобное расследование просто невозможно, многие вещи закрыты навеки. Это жизнь, смена парадигм...

Был такой замечательный итальянский журналист (про-русский, просоветский), величайший, удостоенный международных премий, — Джульетто Кьеза. В предисловии к моей книге «Жанры жизни», вышедшей в 2015 году в издательстве «Вече», он написал, что «журналистика, к которой принадлежит Дмитрий Лиханов, больше не существует». Значит, тем более надо было заканчивать.

— В этом году впервые вручалась Международная гуманитарная премия им. Альберта Лиханова «Совесть» — за вклад в дело защиты детства. Какие проекты сейчас реализуются? И как удаётся находить время и на дела фонда, и на литературную работу, которая, как известно, «не терпит суеты»?

— Очень просто. У меня жёсткий график. Я утром встаю и до обеда пишу. А после обеда — приезжаю в фонд и работаю до вечера. Но не всегда это получается, бывает, что встречи назначают с утра, и мой график ломается. Что касается премии «Совесть», мы будем её вручать в следующем, 2025 году, и, надеюсь, ещё много-много лет. Сейчас премию поддержал Президентский фонд культурных инициатив, в дальнейшем, я надеюсь, её будет финансировать Фонд сохранения творческого наследия Альберта Лиханова, который тоже много делает. На родине Альберта Анатольевича, в Кирове, именем писателя названа школа, где он учился. В городе будет создан Дом-музей Альберта Лиханова, и я очень надеюсь, что в этом году будет переименована улица, где стоит его дом, и она тоже будет носить его имя. В Кирове и Белгороде проходят Лихановские чтения. Так что Фонд работает. Мы готовим к изданию книгу об Альберте Лиханове, она уже почти закончена и выйдет в следующем году в «Молодой гвардии», в серии «Жизнь замечательных людей». Пишет книгу замечательный журналист и подруга Альберта Анатольевича Ольга Кузьмина, обозреватель «Вечерней Москвы».

Беседа вела
Юлия Могулевцева

Александр Афанасьев. Чудо возрождения. Россия на рубеже 2010–2020-х годов. Сборник статей. — М.: Серебряные нити, 2024.

Книга А.П. Афанасьева «Чудо возрождения. Россия на рубеже 2010–2020-х годов. Сборник статей» давно ждала своего торжественного выхода. Издание профессионализма, знаний и мастерства, что невольно вспоминается знаменитое сравнение А. Шопенгауэра, которое заканчивается указанием на талантливого стрелка «попадающего в цель, невидимую для других». Действительно, сегодня, когда на публицистическом ристалище столкнулось множество разного калибра «вещателей», у которых, слово «блестит, как злато сор», творчество писателя Александра Петровича Афанасьева занимает особое место. Его талант настолько многогранен, глубок и неоспорим, что возникает светлая гордость, что в наше отчаянно непростое время в России есть такой публицист и его умное и зоркое перо многие годы искренне и неумолимо служит отечеству.

У каждого чуда есть не только правообладатель, но и корни его вдохновения.

А. Афанасьев родился в 1937 году в селе Чебыньки (ж/д станция в 55 км от Оренбурга) в маленькой землянке, врытой по окну в землю. «В 1940 году (за год до войны!), — пишет Александр Петрович, — меня крестил, рискуя жизнью, заезжий священник. В 1945 году пошёл в сельскую школу (почти в трёх км от станции!), в которой окончил три класса. В 1948 году вместе с родителями (отец — фронтовик, больной туберкулёзом; мать неграмотная мастерица по знаменитым оренбургским платкам) переехали в г. Оренбург (тоже в землянку, на самой окраине), где окончил областное педучилище и, отслужив

3,5 года в армии, работал на заводе рабочим. С 4-го класса пристрастился к чтению и в конце концов добрался до классики. Наибольшее влияние оказали А.М. Горький (с его жизненными «университетами») и Лев Толстой (с его огулающей духовностью). Далее всё «просто»: истфак МГУ, карьерная педагогическая и партийная работа, успешная дипломатическая служба. Уйдя в отставку в 1997 году, уехал с супругой в мордовскую деревню (по сути, самоссылка) для работы в течение 7 лет над первой книгой-хрестоматией — «Мудрость, или Нравственная философия здравого смысла». Издал в 2004 году и возвратился в Москву. Супруга, Афанасьева (Гаврилова) Светлана Павловна, умерла три года назад после 56 лет счастливого брака. Трое дочерей. Четверо внуков.

Вот те нелёгкие, но плодотворные истоки русского человека, которые дали силы на создание той «содержательной летописи», воплощённой А. Афанасьевым за последнее десятилетие.

В названии предлагаемой книги есть магическое слово «чудо». Нет, это не чудо, подобное деяниям братства фокусников, к которому принадлежал наш иллюзионист Игорь Кио. Тем не менее часть его деятельности, нарушавшей свойства предметов и изменения привычного хода вещей, заложена в том, что политолог А. Афанасьев назвал в своей книге «Чудом возрождения России». А началось это чудо-сенсация на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 года со слов Президента России В.В. Путина:

«Нас постоянно учат демократии. Но те, кто нас учат, сами почему-то учиться не очень хотят. Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном — мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но, что ещё важнее — сама модель является неработающей, так как в её основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации».

А вот одна из главных мыслей мюнхенской речи президента, предсказавшего на долгие годы вперёд результаты политики Запада:

«Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах — военной силы — силы, ввергающей мир в пучину сле-

дующих один за другим конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение».

В своих статьях, представленных в этом сборнике, политолог А. Афанасьев более чем за десятилетие поэтапно, принципиально и доказательно исследует то, что в начале казалось «Куликовым полем» борьбы либерализма с российской государственностью, а в дальнейшем переросло в великий вселенский раскол. При этом автор владеет редчайшей способностью подавать свой материал таким «острым блюдом», в котором анализируются текущие события, подробности скрытых политических причуд и симулякров, но при этом ни на йоту не теряет значимость и отточенность своего высказывания. Ниже мы приводим один из замечательных примеров такого творчества:

«С приходом к власти в США Дональда Трампа, — пишет в своей статье «Великий вселенский раскол» А. Афанасьев, — мировая система капитализма вступила в свою новейшую стадию, которую можно назвать воинствующим эгоизмом. Это стадия конечного внутреннего разложения буржуазного общества, полной его деградации и предельного истощения присущего ему на ранней стадии позитивизма. Достаточно взглянуть трезвым взглядом на самого Трампа, чтобы понять высшую степень социальной деградации капитализма. В лице Трампа впервые в истории западного мира к власти в ведущей капиталистической державе пришёл циничный и одиозный Торгаш. Тот самый, который до сих пор тщательно маскировал свою хищническую сущность личинами просветительства, гуманизма, свободы, равенства и братства.

Нелепо выискивать в Трампе эдакого рыцаря Дон Кихота, набравшегося мужества и вышедшего на смертельный бой с всемогущим и непобедимым Deep State («глубинным государством»), сосущим кровь из чахнувшего человечества. Чего уж нет, так нет! Трамп и есть облечённый высшими полномочиями видный представитель этого самого «глубинного государства», у которого лопнуло терпение сидеть в засаде и видеть провал за провалом своих вальжжных наймитов».

Мы привели всего лишь одну статью, связанную с предстоящими выборами и личностью Трампа, баллотирующегося сегодня в президенты США????, а в книге их шестьдесят три, с неизменно точными названиями: «Смысл и значение подвига российских воинов», «Чем готовы рискнуть США в ставке на мировой гегемонизм» или изысканное, но запоминающееся «Твердыня мужественности и благодать женственности». Все эти названия статей помогают не только почувствовать содержание написанного материала, но и непременно остаются в памяти, как изящное motto.

Выше мы показали, какие смысловые, стилистические и

образные приёмы использует автор книги в своих статьях, как точны и профессиональны его оценки мирового закулисья, с какой нетерпимостью он относится ко лжи, фальши, вражде и несправедливости.

Предваряя свой труд, Александр Петрович пишет, что «книга представляет собой, по сути, вдумчивую и развёрнутую хронику последнего пятилетия, знаменующего возрождение из пепла предательства, стяжательства и вероломства новой России, воплощающей в себе идеи здравого смысла, добра и справедливости и выходящей на лидирующие позиции в смятённом, надломленном и склонном к деградации современном мире».

Автор этих строк целиком разделяет точку зрения публициста и дипломата А.П. Афанасьева и убеждён, что предложенный издательством «Серебряные нити» сборник статей «Чудо возрождения. Россия на рубеже 2010–2020-х годов» есть явление чрезвычайное и закономерное, ибо книга создана трудом и талантом писателя, с величайшей ответственностью относящегося ко времени, в котором мы живём, и всем сердцем желающего сохранить этот мир в его нравственном облике.

Валерий Иванов-Таганский

ДАТА

Мысль, острый луч...

К 85-летию Вячеслава Куприянова

Я не любитель свободной формы стиха. Отказ от рифмы способен свободно разрушить стих. В русском языке рифма — один из важнейших инструментов речи, и если им умело пользоваться, то он даёт автору возможность обогатить смысл, отворить слух. И всё же, всё же, всё же... Верлибры нужно читать, в особенности если это верлибры Вячеслава Куприянова. И, быть может, в первую очередь современным русским поэтам, привязанным к регулярному стиху, к привычке ставить слово под рифму и не замечающим порой, как нарабатанная гладкопись речи неожиданно для автора покрывается ржавчиной штампов, а за ними стоит нечто большее — утрата новизны словесных смыслов. Не плоских, линейных, а сложных и глубоких, как сама жизнь.

Но в чём заключается эта сложность? В противоречиях.

«Противоречия» — название не просто итоговой книги Куприянова, а, как сообщается от автора, «почти полного свода стихов, написанных в свободной форме». Книги, серьёзно продуманной и композиционно составленной: 23 стихотворных цикла, обширная библиография. Это научный с точки зрения филологии и своевременный с точки зрения критики ответ на вопрос, как, каким способом оформлять противоречия жизни в искусстве. Не случайно автором в подзаголовке к названию книги оговорено: «Опыты соединения слов посредством смысла».

Да, поэт делится с нами своим накопленным более чем за полвека «даром опыта» (Баратынский), свободной формой стиха, которую в прежние времена, по словам самого автора, «частично приходилось оправдывать, защищать от нападок и находить ей разнообразные определения». Поэт не удержался от того, чтобы дать нам одно, что ему представляется, наиболее удачное: «...свободный стих — литературная форма, симметричная поэзии относительно прозы».

Но, думается, сегодня необходимость в такого рода защите отпала. Верлибр Куприянова — это сама поэзия безотносительно прозы, целостное поэтическое высказывание.

Уводя нас в сторону теории предмета и научных дефиниций, автор ненароком попадает в собственную ловушку, настраивая читателя не совсем на тот образ, с которым он, читатель, встретится в его книге — художественно-артистичным, остро мыслящим, ироничным, парадоксальным.

Верлибр Куприянова не просто повернут в сторону мысли. Он выбрал для себя то особое направление русской классической «поэзии мысли», которое связано с именем Евгения

Баратынского, с его убеждением «Мысль, острый луч! / Перед тобой бледнеет мысль нагая».

Куприяновский верлибр, сохраняя свой рисунок мысли, ритм и графику свободного стиха, напряжённо думает о человеке. Поиск ответа на вопрос «Как стать человеком?» ведётся Куприяновым как бы методом от противного, с использованием богатого инструментария поэтических средств («Вычислитель человечества»). В какой-то мере он берёт на себя функции критики, отказавшейся от размышлений, полемики, оценки.

***

«Острый луч разума» верлибров Куприянова, «а сражаться с разумом, — по убеждению философа Николая Бахтина, — можно только его собственным оружием», подвижен и неистощим в поисках ответа. Многие вещи, явления, понятия из жизни идей он выхватывает точно, прицельно,

искусно, показывая в парадоксальной форме их изнанку. К ним относятся антиномии культуры, творчества, поэзии.

Верлибр предлагает нам свой ответ: есть «стихии стиха», «река — речь», свободно уносящая мусорные обломки словесных штампов и тем самым способствующая вечному обновлению живого языка.

Здесь Куприянов ориентируется на высокую классику. Есть у немецкого поэта Гёльдерлина (1770–1843), которого Вячеслав Куприянов перевёл и замечательный портрет которого написал (современники сочли этого великого человека сумасшедшим и заточили в башню), формула мысли: Was aber bleibt, stiften die Dichter. Современный австрийский славист Алоиз Влдан приводит эти слова в статье «Мои встречи с поэзией Алексея Прасолова». В его переводе на русский это звучит следующим образом: «Но то, что останется,

основывают поэты». Переводчик с немецкого Николай Болдырёв, составитель и автор послесловия книги «Мартин Хайдеггер. О поэтах и поэзии», осмысляет и озвучивает эту фразу по-иному: «Но то, что останется пребывать, то созидают поэты». Основывать — это строить, закладывать фундамент, созиждать — творить, преобразовывать, развивать дальше.

Вячеслав Куприянов отважно вступает в диалог переводчиков, предлагая нам в цикле «Стихии стиха» своё понимание приведённой максимы: «Стихи формуруют события». Формуют, а не формируют по лекалам

стихи / приплывают вместе с облаками, / не оставляя после себя / даже тени стихов».

Так ли уж парадоксальна эта мысль изречённая? Вспомним, что сказала Ахматова об Анненском: «Не оставивший тени». Это значит — не оставивший надежды на подражание.

***

Чрезвычайно интересно наблюдать, как верлибр Куприянова ищет выход в иное культурное пространство, близкое силлабо-тоническому и открывающее для свободной формы новые возможности.

Выход найден — восполнить эмоциональную недостаточность, согреть мысль — чувством, освободив её от излишней умозрительности и холода отчуждённости. И достичь этого можно — через паузу, паузу в свободном стихе.

Поэт убеждён: «Что бы ни говорилось, но главное / Происходит уже не в речи, / А в паузе — / В паузе поэт переводит дыхание. / В паузе у читателя должно перехватить дыхание, / Иначе напрасно движение речи поэта. / И недаром сказал о соловье Соколов Владимир: / «Как удивительно в паузах / Воздух поёт за него». — / Так за поэта / В паузе думает воздух».

В паузе думают и лучшие стихи самого Куприянова. Верлибр рассказывает нам сюжет. Перед нами проходят знакомые картины отверженности, одиночества русских церквей: «Много заброшенных в небо, на зелёных высотах, / их купола вписаны в голубую / нетускнеющую эмаль, как знак / рукотворности духа...»

Читая эти строки, где появились ранее не свойственные верлибру знаки препинания, переносы слов, заглавные буквы, задерживающие дыхание, чувствуешь, как сжимается сердце от боли. Но окончательно перехват дыхания приходит в конце, после замечательных слов стихотворения: «И в храмах заброшенных нет прихожан, / кроме редко на землю сходящего Бога». Когда наступает длительная пауза — между звуком и молчанием. Трагизм происшедшего ждёт осмысления.

Это — горькая правда, при свете которой исчезает ирония, потому что «нескончаемо вечное мгновение Бога» (Рильке). Это ещё и топкий момент этики, что как просиявшую радугу улавливает эстетика куприяновского верлибра: возможность перехода в силлаботонику.

Пауза в свободном стихе приводит к тому, что получает у поэта название «Увеличение» (последний цикл в книге верли-

бров). Увеличение — это сгущение чувства, эмоции, переживания двойным повтором слов, варьирующих мысль: «Свет плачет / в конце света...»

Меняется рисунок стихотворения, строже, объёмнее, соразмернее становится строфика, продуманнее звукоряд, приближая к гармонически организованному регулярному ритму.

В «Песне Одиссея» из цикла «Время любить», с посвящением жене поэта Н. Румарчук, можно услышать даже рифмы. Хотя это всё та же форма свободного стиха. Но читатель этого не замечает, так несёт его поток чувств, энергия высказывания, вбирающая в себя античность и современность, историю и память. Согласно пушкинскому завету: «... и нет истины, где нет любви».

«Я люблю тебя всем сердцем, лёгкими и зеницей ока, / Я люблю тебя земной корою и звёздным небом. / Падением водопадов и спряжением глаголов...»

Теоретики верлибра могут сказать: Куприянов здесь изменил себе. Но, может быть, нашёл себя в русской традиции, где мысль и чувство живут в неразрывном единстве. Это просто поэзия.

***

...Принято считать: поэзия — это то, что теряется в переводе. Верлибры Куприянова переведены на 50 языков мира: от европейских до восточных.

Могут сказать, не последнюю роль здесь сыграло то, что свободная форма стиха не «дичок», а давно узаконена во всём мире. А рифма в силлабо-тоническом стихе — трудный орешек для перевода...

Но, думается, разгадка успешного шествия куприяновских верлибров по миру в другом. Удивительным образом в них совмещаются, образуя сложное структурное единство, сопоставимое и несопоставимое: острота критической мысли с парадоксальной игрой ума, метафизика любомудров с опытом авангарда: смотреть на себя как на небо (В. Хлебников); зоркость эпитета с «беспощадным бунтом приставок».

И всё это — русский верлибр. Именно своеобразие русской свободной формы стиха, исторически восходящей, по признанию поэта, к сакральным текстам, духовным и покаянным, стихам книжных подвижников, заплачкам, нерифмованному «воображению сердца» юродивой Ксении Некрасовой и многое другое не могло не привлечь внимания западного и восточного читателя.

Поэзия русского верлибра не потерялась в переводах. «Луч острого разума» не мог потеряться!

Инна Ростовцева

Полный текст — на сайте «ЛГ»

Интересно наблюдать, как верлибр Куприянова ищет выход в иное культурное пространство, открывающее для свободной формы новые возможности.

Исповедь в доме судьи

Алексей Варламов. Одсун.
Роман без границ.

— М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2024.

— 536 с. — 5000 экз. (Проза Алексея Варламова).

На прошлой неделе за роман «Одсун» Алексей Варламов получил «Большую книгу». Что ж, перед нами действительно большая книга — совершенно классический с точки зрения формы роман с несколькими переплетающимися сюжетными линиями, множеством второстепенных героев и лирическими отступлениями, которые не так часто встретишь в современной прозе. Основной конфликт также родом из классики: маленький человек, угодивший под колесо истории. Впрочем, тема эта неустаревающая и будет затрагивать и волновать нас до тех пор, пока в мире существуют разные государства

и народы. Таким образом, Варламову удалось написать роман одновременно остро актуальный — и вневременной.

Главный герой, Вячеслав, уезжает из России в Чехию, чтобы преподавать в вузе, однако в силу обстоятельств оказывается без визы и денег в маленьком чешском городке, где ему помогает священник — отец Иржи. Собственно, весь роман и представляет собой исповедь главного героя священнику, в которой он рассказывает всё о своей жизни и великой любви к русской девочке Кате из Припяти, ставшей в 2010-х украинской националисткой... Варламов достоверно показывает, как постепенно, шаг за шагом, менялось мировоззрение героини, как накапливались, будто яд, мелкие, на первый взгляд, обиды — проблема с пропиской, украденная шуба — и вот уже Украина ей мать, а Россия — мачеха. Ну а со стажировки в Америке Катя возвращается совсем другим человеком.

Параллельно, живя в доме священника, некогда принадлежавшем судетскому немцу, главный герой узнаёт трагическую историю бывшего хозяина — судьи и в целом историю об «одсуне» — депортации — судетских немцев в Германию. Это одна из тех страниц прошлого, которую никто не любит вспоминать, потому что на ней — жуткое превращение трудолюбивых мирных обывателей в кровожадных палачей. Столкновение между двумя народами столь же жестокое, сколь и бессмысленное — здесь нет правых и виноватых. Так были раскинуты карты исто-

рии. Шли десятилетия, копилась взаимные обиды, не утихали споры о том, кто имеет право на эту землю, — и наконец напряжение достигло такой силы, что произошёл взрыв. В итоге — тысячи искалеченных жизней и глубокий след, оставшийся в душах грядущих поколений — и немцев, и чехов: «...и вечный мировой вопрос, что важнее: право народа на свою судьбу или право государства на его признанные границы, — страшным разломом прошёл через прекрасные горы, долины и человеческие жизни».

Роль прошлого вообще очень велика в романе. Именно в нём, в глубинах истории главный герой пытается найти объяснение тому, что происходит в современной ему реальности, — Майдану на Украине, расколу между некогда братскими народами. «Прошлое волнует меня не меньше настоящего, я судорожно отыскиваю в нём то, чего там, возможно, никогда не было — смысла и цели», — говорит он. И ещё: «...ибо сейчас... настало время, когда люди должны друг друга прощать и находить спасение в прошлом, бросать якорьки и попытаться остановить идущий вразнос корабль». Роман отличается взвешенностью позиции — без деления мира на чёрное и белое. Сейчас этого очень не хватает.

Несмотря на то что Вячеслав, скорее, человек сомневающийся и подлинно верующим его не назовёшь, всё-таки ощущается, что события в романе переданы через призму христианского мировоззрения.

Прекрасный идеализм главного героя не может не вызывать сострадания, когда он задаётся вопросами: «Почему люди не могут жить в мире? Зачем им надо друг на друга нападать, изгонять, убивать? Откуда берётся зло? Почему нельзя устроить жизнь так, чтобы у каждого народа, у каждого человека был свой дом, свой кусок земли и никто бы не зарился на соседний? Не врал,

построивших первую в Чехии обсерваторию; грека, открывшего таверну и помогающего беженцам; наконец, самого отца Иржи и многих, многих других. А ещё здесь есть гипертекстуальность. И немного мистики и потустороннего. Да, это действительно во всех смыслах большая книга.

Ну и, конечно, нельзя не отметить работу Варламова с языком. В биографиях, которые он писал в последние годы, она, конечно, тоже ощущалась, но в художественном тексте автору заметно вольготней. Описания добротного старого дома судьи, судетских лесов, бедной, но такой потрясающе уютной подмосковной дачки, украинских и российских просторов выписаны не только мастерски, но и с огромной любовью: «Север не был мне родиной, но когда впервые, ещё на втором курсе, я оказался на Пинеге... то ощутил такую острую связь с этой землёй, как если бы кто-то из моих предков был оттуда родом. Не знаю, что именно, отец Иржи: состав воздуха, иное преломление света, особенные запахи земли и воды, — но я почувствовал, что это моё, и похожего, почти животного, то есть отдающегося в животе чувства не испытывал больше нигде».

«Одсун» — одна из тех книг, закрыв которые вы ещё некоторое время сидите и смотрите в пустоту, думая о прочитанном. И, судя по тому, что роман высоко оценили и профессионалы, и обычные читатели, — Алексей Варламов попал точно в цель.

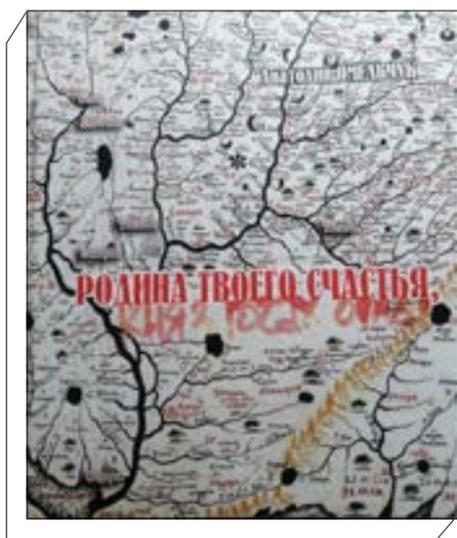
Валерия Галкина

”
Роль прошлого вообще очень велика в романе. Именно в нём, в глубинах истории главный герой пытается найти объяснение тому, что происходит в современной ему реальности.
“

не хапал, не сочинял подлогов, не навязывал людям чужой язык? Почему мы не умеем договариваться? Что не так с человеческой породой и природой и что надо сделать, чтоб её изменить?»

Есть в романе и размышления о притчах из Нового Завета, и мотив утраченного рая (проданная главным героем дача в Купавне), и замечательные линии второстепенных персонажей: двух братьев,

«Трудно выбрать место красивее...»

Анатолий Омельчук.
Родина твоего счастья.

— Тюмень: ООО «Инфо-плюс», 2024.

Сибирь... Что мы чувствуем, когда произносим это слово? Гордость! Неизменно гордость за свою страну, за себя, что мы тоже сопричастны этому уникальному месту... Поче-

му уникальному? Да потому что на всей земле нет второй Сибири, а в сибирских пейзажах мы можем узнать пейзажи Швейцарии, Финляндии, Норвегии, Дании, Гренландии...

«Трудно выбрать место красивее: передо мной простиралась обычная и прекрасная панорама — веером расходились пять невысоких вершин в оголённых берёзовых лесах, перемешанных с тёмными пятнами кустарников на давних горельниках. Зелёное озимое поле овальной формы наряжало эту картинку, прихотливо её разнообразила Сибирячиха в кружеве своих многочисленных узких русел и стариц. По ту сторону дороги мирно паслись коровки, ржали кони, гоготали дальние гуси. Окрай долины матерно разговаривал с непослушными бычками усталый пастух, явственно скрипнула дверь в ближайшем домике. Всё это слышится как будто рядом, до оттенков, даже хрипая пропитость простуженного пастуха». Что за дивный слог! Читаешь такое роскошное, вкусное описание Сибири, и невольно в голове всплывают тургеневские, чеховские, бунинские описания русской природы...

Вслед за Анатолием Омельчуком мы отправляемся в путешествие по

Сибири. И сразу же попадаем в древний город с гордым именем Аркаим... «АРКАИМ. Какое звучное и многозначное слово. Что здесь было? Что происходило? Цепь первобытных городов тянулась в этих выразительных продуваемых местах, под каменной защитой Каменного Пояса. Что это было? Археологи обнаружили, нарыли раскопками, двадцать один (очаровательное и совершенно не случайное число XXI век назад — «город»). Цепь, цепочка крепостных городов протянулась в общей сложности почти на тысячу километров (понятно, не по прямой). Освоенное пространство исчисляется тысячами квадратных километров. Это страна. Страна XXI века. Но ровно 42 века назад: 21+21. Конечно, это не всё. Ещё не всё. Только то, что открыто. Открылось сокровенно. Сокровенное. Давнишние аркаимцы (или как они там себя называли?) исповедовали круг, квадрат, овал и треугольник. Геометрия бытия. Фундамент. Слушайте, вы сомневаетесь, что первое государство на территории России появилось в Сибири?» Здесь уместно будет вспомнить стихотворение «Аркаим» известного современного поэта Олега Стоярова:

*Когда Аркаим начинает отсчёт,
То время уже никуда не течёт,
То время уже превращается в пыль,
Ты четверть пути хотя бы осиль!..*

*Красоты Вселенной увидев —
воспрянь:
Открывши теперь
неизвестную грань,
Познаем её и мечту воплотим —
Как Китеж возникнет в тот миг
Аркаим.*

*Как Китеж возникнет средь
жизненных бурь:
Неси его свет! — Никогда не халтурь
В момент созиданья! Надейся и верь,
Что солнце сильнее грядущих потерь!..*

«Родина твоего счастья» — воистину замечательная книга!.. Знакомая с ней, мы открываем для себя Сибирь. Мы узнаём про «Пикет Шукшина», «Космос Тобольска», про «Золотой запас» и «Колодец Рериха»... Эта книга — настоящая энциклопедия, в которую вложены доброе, щедрое сердце и широкая сибирская душа Анатолия Омельчука.

Князь Гочаг

БИБЛИОСФЕРА

Нужный проект

Литературно-критическая премия «Московский наблюдатель» создана в рамках проекта «Культурная инициатива» (КИ) для поддержки «традиций русской литературной критики». Кураторы КИ – люди в литературных кругах весьма заметные. Данил Файзов и Юрий Цветков не только активные деятели литературного поля, но и поэты. Возможно, потому их проект явно склоняется к поэзии.

Три увесистых сборника собрали отклики номинантов на разнообразные события литературной жизни, проходившие под вывеской КИ, и напомнили мне... пьесу Беккета «В ожидании Годо». Почему – объясню в конце этих заметок, а сначала – о цели премии. Как написал Кирилл Корчагин: «...сама идея премии, посвящённой лучшим отчётам о литературных вечерах, не может не показаться странной. И удивление оказывается столь сильным, что далеко не сразу приходит понимание, для чего это, собственно, нужно». Тем не менее, рассуждает далее Корчагин, жанр репортажа «всё-таки сохраняет свою привлекательность (если не для авторов, то для кураторов)». Думается, цель репортажей и премии на их основе проста – привлечь как можно больше участников в сам проект КИ (на презентации, литературные вечера, фестивали, премиальные мероприятия других организаторов).

В рассматриваемые сборники вошли материалы трёх литературных премиальных сезонов 2010–2014 годов: премия присуждалась «за яркие и содержательные публикации» на сайте КИ. Среди номинантов в основном авторы всеми нами ценимого «Журнального зала» (ЖЗ). Судя по отчёту и по представленной в сборниках статистике программа была разнообразной: презентации (книг, альманахов, журналов, рукописей), вечера памяти (поэтов, прозаиков), литературные встречи из цикла «Среда», продолжающие традицию телешоу «Сред», вечера из цикла «Квартирник», дружеские поэтические дуэли («Полюса»), вечера из цикла «Коллеги» (поэты-математики, поэты-архитекторы и пр.), «Зодиакальные чтения» (встречи авторов, совпадающих по гороскопу), участие в фестивалях (университетской поэзии, поэтического фестиваля в Вологде, петербургского «Авант-Левт», фестиваля свободного стиха в Нижнем Новгороде, современной поэзии «Костромские каникулы», чебоксарского «ГолосА» и т.д.). И просто чтение стихов, в том числе к датам («День Победы. Современные поэты читают стихи о войне», «День защиты детей. Дети поэ-

Московский наблюдатель. Статьи номинантов литературно-критической премии. I сезон / Сост. Д. Файзов, Ю. Цветков; отв. ред. Д. Бак, Н. Николаева.
– М.: Литературный музей, 2017. – 416 с.

Московский наблюдатель. Статьи номинантов литературно-критической премии. II сезон / Сост. Д. Файзов, Ю. Цветков; отв. ред. Д. Бак, Н. Николаева.
– М.: Культурная инициатива; Литературный музей, 2019. – 344 с.

Московский наблюдатель. Статьи номинантов литературно-критической премии. III сезон / Сост. Д. Файзов, Ю. Цветков; отв. ред. Д. Бак, Н. Николаева.
– М.: Культурная инициатива; Литературный музей, 2020. – 488 с.

тов читают стихи друзей своих родителей»). Изобразительное искусство и музыку кураторы КИ тоже не обошли стороной: к примеру, событиями стали выставка Евгения Телишева, недооценённого графика, не ставшего своим ни в одном кругу художников, и презентация диска Сергея Труханова «Песни потерпевшего кораблекрушение».

Есть в сборниках постоянные участники первых сезонов, имена их мелькают почти в каждом литературном репортаже (Данила Давыдов, Наталия Черных, Максим Амелин, Лев Оборин, Леонид Костюков и др.), есть гости более редкие (Галина Климова, Сергей Чупринин, Евгений Лесин, Евгений Попов, Игорь Шайтанов, Григорий Кружков), есть и те, кто появился лишь однажды (Владимир Микушевич, Рене Герра) или отметился короткой рецензией (Владимир Бондаренко, Роман Сенчин), послужив неким доказательством широкого подхода организаторов. Прошло больше десяти лет с первых сезонов, иных уж нет: Натальи Горбаневской, Андрея Тавро-

ва, Бахыта Кенжеева, Алексея Цветкова, Людмилы Вязминой, Льва Рубинштейна и других участников вечеров КИ. Василий Бородин и Виктор Иванів ушли по своей воле (или их воля подчинилась злому голосу рока). Другие авторы далече и попали в иноагенты, третьи, наоборот, стали звёздами концертов так называемой z-поэзии (Мария Ватутина, Игорь Караулов, Алексей Остудин). Некоторые поэтические и прозаические книги, несмотря на презентации и рецензии в ЖЗ, бесследно затонули, погасли альманахи и проекты, выжили не все издательства и фестивали. Во втором сезоне закрылись два клуба: «Улица ОГИ» и «Билингва». Осталась «Дача на Покровке», открыл двери для КИ Музей Серебряного века. Некоторые вечера проходили в клубе «Виндзор паб», в клубе Zavtra (бывшие «ПирОГИ на Сретенке»), в Зверевском центре современного искусства, в Доме-музее М. Пришвина в Дунино, в клубе «Китайский лётчик Джао Да».

Вряд ли среди сторонних читателей найдётся рискнув-

ший осилить материалы всех трёх сборников, потому имеет смысл выделить те отклики-репортажи, на которые стоит обратить внимание. В первом сезоне, на мой взгляд, надо отметить презентацию книги Александра Введенского «Всё», презентацию «Антологии современной поэзии Санкт-Петербурга», вечер из цикла «Метаморфозы», посвящённый переводам поэзии Чеслава Милоша, презентацию антологии «Английские поэты-кавалеры» XVII века», вечера китайского классика Ду Фу и столетия немецкого экспрессионизма, а также страницы, посвящённые Осипу Мандельштаму и Аркадию Пахомову, участнику СМОГа. Стоит прочесть репортажи Надежды Николаевой, отклики-рецензии Ольги Балла, Геннадия Каневского, Леонида Костюкова, тонкие репортажи-рецензии Марианны Ионовой.

И, конечно, там, где ступает КИ, главное – стихи: Сергея Шестакова, Олега Юрьева, Марии Марковой, Юрия Кублановского, Михаила Айзенберга и многих других поэтов, часто известных только среди «своих» и совсем не знакомых читателю, далёкому от ЖЗ. Как написала одна из участниц о вечере КИ: все лица были те же, доминировала эстетика «катакомбной культуры».

Во втором сезоне состоялись тоже интересные встречи и презентации книг: Сергея Нельдихена (1891–1942), Сергея Гандлевского, Александра Скидана, Валерия Шубинского, Вадима Месяца. Все циклы первого сезона продолжались, в том числе «Пункт назначения» (явлены авторы, живущие за пределами России, и зарубежные издания, в том числе журнал «Интерпоэзия»).

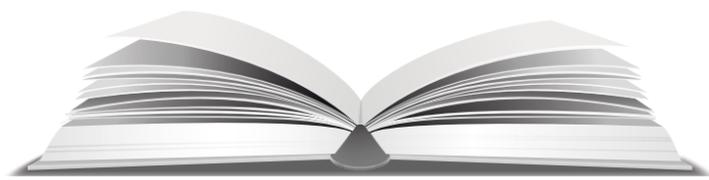
В третьем сезоне опять же было немало презентаций новых книг: Андрея Василевского, Амарсаны Улзытуева, Вячеслава Курицына и других авторов. Кроме того, состоялись вечера-беседы «о художественном переводе», вечера-воспоминания, посвящённые ушедшим поэтам. Стоит обратить внимание на репортажи Дмитрия Черкашина, Александра Чанцева, Геннадия Калашникова (в частности, эссе о книге Сергея Бирюкова «Звучарность»), статьи Бориса Дубина и Даниила Давыдова (о переводе «Морской оды» Фернандо Пессоа). Было представлено творчество зарубежных авторов: Хосе Лесама Лимы, Тумаса Транстрёмера, Хендрика Джексона и др.

От сборника к сборнику крепнет впечатление, что «Культурная инициатива» делает очень хорошее дело, не только объединяя людей, пишущих и думающих, но сохраняя престиж литературы и особенно – поэзии. В сборники вошла далеко не вся деятельность КИ. Проект многообразен, интересен, а значит, нужен, и премия «Московский наблюдатель», несомненно, имеет смысл.

Так при чём же здесь Беккет? А вот при чём. Название премии «Московский наблюдатель», по объяснению кураторов, «отсылает к известному литературному журналу XIX века, с которым сотрудничали Е.А. Баратынский, В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский и А.С. Хомяков». Это вызвало некий ропот у одного из участников КИ: к чему, мол, славянофильское название? Организаторы, похоже, подстраховались. Изучая все три сборника, я ждала и так и не дождалась Годо – хотя бы одного поэта или прозаика, которого можно было бы назвать новым славянофилом или представителем «нового народничества». Видимо, кураторы КИ ориентировались на «Московский наблюдатель», сменивший направление в 1838 году, из дипломатических соображений оставив в аннотации к премии известные имена. Кто-то из критиков заметил, что некоторые поэты КИ боятся показаться «замшелыми традиционалистами». А ведь по-настоящему талантливый поэт этого не боится, понимая, что традиционное может быть не традиционным, и даже постмодернистская деконструкция нуждается в традиции для концептуального диалога с выходом на пародию или стилизацию. Есенин и Хармс, Кривулин и Рубцов – единое поле прекрасной русской поэзии. Хорошо, если на будущих вечерах КИ мы услышим стихи самых разных поэтов: от ироничных «герметиков» до лиричных «симпатиков».

Мария Бушуева

”
165.
“

«Нас мало, избранных, счастливцев праздных»

Памяти Валерии Нарбиковой

Ещё спартанец Хилон в шестом веке до горестной нашей эры зачем-то изрёк, а Диоген в третьем веке эры нашей взял, да и повторил древнюю сентенцию «О мёртвых или хорошо, или ничего, кроме правды» – извольте: познакомились мы в начале века с лёгкой руки Ольги Ивановны Татаринской, которая дала мне, совсем ещё молодой литжурналистке, телефон «самой» Валерии Нарбиковой. Нарбикова была для меня в юности неким полубожеством – такие, как по наивности казалось, обитают уж если не в райских богемных куцах, то точно где-то поблизости: в общем, ух как интересно. Разумеется, я тут же позвонила «литбогине», уточнив про интервью, – я ведь в 90-е прочла её шикарную прозу, все эти «Около эколо», «Шёпот шума» и прочее... было любопытно, из чего она сделана – соткана, воттакленная эта писательница, какая она, как живёт, какой чай-не-чай пьёт, et cetera.

Лера сказала, к ней можно – и да, поговорим. Я поехала на «Полежаевскую», нашла её дом, вошла в квартиру и сникла – Лера не то что не очаровала, а скорее оттолкнула: её тёплые шерстяные носки, серый пуховый платок на плечах и бардачелло в холодной комнате, мягко говоря, не добавляли шарма образу, сложившемуся в моей голоушке. Но Лере было плевать на какой-то там шарм, образ, бардачелло и чью-то голоушку – более того, сразу сократив дистанцию («А давай на ты?»), она ещё и довольно невнятно отвечала на вопросы... Пришлось долго редактировать интервью под Лериним названием «Все новые течения начинаются от балды», собирая текст по телефону буквально по кусочкам: электропочты у неё в 2006-м не было, и вообще она терпеть не могла всё это «электро» – писала от руки, карандашом, в постели, в поезде, в самолёте... или не писала, а рисовала, перечитывала классиков, пила вино, смотрела в окно, жила, дышала, смеялась, умерла в ноябре 2024-го, а я и не знала, что восьмого, и когда Андрей Бычков одиннадцатого прислал сообщение «Нарбикова умерла...», ничего не почувствовала, кроме очередной пустоты, – после определённых утрат вообще мало что чувствуешь, но не обо мне речь.

Итак, мы подружились, если можно назвать дружбой лёгкое общение разновозрастных пишущих особ с полярными во многом взглядами, одна из которых уже познала громкую, но в целом недолговечную литературную славу, а у второй к тому времени вышло всего две книжки. Когда же я подарила ей третью, Лера сказала, прочитав пролистав томик с манекенами на обложке: «А мне не нравится, как ты пишешь...» – «И что? А мне нравятся твои тексты!» – Я пожалала плечами, и больше мы о прозе нашей не говорили: лишь изредка

встречались, а потом и вовсе перешли на телефонные звонки.

Будучи литературным агентом поневоле, автор этих строк не раз отправляла тексты Валерии Нарбиковой издателям, но вот он – парадокс истории: издатели говорили, что это замечательная-тонкая-интересная-ма-стерская-самобытная-и-тэ-дэ-и-тэ-пэ-проза. Что это про стиль. Что это про музыку. Что это про дыхание. Что это, конечно, очень здорово и что сами-то они Нарбикову читали давно и с радостью перечитают снова, но вот «широкий читатель – разве он поймёт?». Говорили, что очень ценят Валерию Спартаковну, да только вот издать книги никак не могут – «а как её продавать?» (спойлер: так же, как вы продаёте Вульф или Колетт, дамы и господа). Убоялись-обеспокоились, что тираж не будет раскуплен «народом». Так и не продали мы с Валерией Спартаковной распродажного «Книжного Слона», а ей очень хотелось – не всё шоколадно с деньгами было, хотя таким особам должны за сам факт их существования в трёхмерке доплачивать. Разумеется, Лера никогда бы не пошла работать: буквы и краски были её любовью-антиработой, но в какой-то момент, когда она «выпала» из так называемой литпроцессии, за буквы перестали платить – совсем, вообще, от букв остался ноль (в нашем интервью она иронизировала: «Ты запиши, запиши обязательно: «Валерия Спартаковна Нарбикова ищет работу, на которую не будет ходить»).

Помню, она как-то позвонила: «Н а т а ш, – я ей прощала эту пошлейшую фамильярность, хотя в мини-имени не два, а три слога. – А давай чёй-нибудь издадим, а? Собрание вот сочинений моих, к примеру... Только не за мой счёт, мне платить нечем. За счёт заведения!» Я, конечно, снова обещала помочь, понимая, увы, что чем лучше человек пишет,

”
140.
“

чем тоньше и самобытнее его текст, тем меньше у него шансов в железный сей век быть масслитно изданным. Я не была вхожа в редакции-всерауси, где вершатся-ломаются, ни много ни мало, «судьбы современной отечественной литературы»: вершители сами по себе, мы с Лерой – сами по себе, наши параллельные прямые никогда не пересекались даже в бесконечно удалённой точке. А Лера усмехалась. Она ведь больше, чем кто-либо, всё понимала про все эти литгрища – и никогда уж сама никому из редакторов ничего не отправляла, насколько известно: во всяком случае, в последние годы. Ряды-пороги «калашные» не

обивала. Да ей бы и в голову не пришло!

Когда я спрашивала, пишет ли она сейчас что-то новое, отвечала: «Что-нибудь» – или: «Роман» – или: «А как же!» Не знаю, насколько это было правдой и что будет с архивом Валерии-свет-Спартаковны (будем надеяться, он не окажется на помойке)... Её изысканные тексты – волшебная маленькая история в огромной главе русско-европейской словесности. Копировать Нарбикову невозможно – подражать нелепо и попросту глупо – это всё равно что подражать ветру, воздуху, свету! Её талант, без сравнений, можно «сравнить» с даром слова Вульф, Саррот, Беккета, Ионеско, Пруста

и прочих избранных, «пренебрегающих священной пользой»... Кстати, нарбиковское Избранное – книгу «Шёпот шума», я купила в какой-то провинции (вот как работало книгораспространение: даже элитарные тексты продавались за пределами двух столиц) – невозможный, немислимый по нынешним меркам миллионный тираж... год, кажется, 1994-й: я запоем читала то, что во многом сформирует дальнейшие литературные пристрастия и сделает убойную «прививку» под названием Хороший Вкус: и проза Нарбиковой в формировании том сыграла не последнюю роль, но и только, ибо эпигонство – удел слабых.

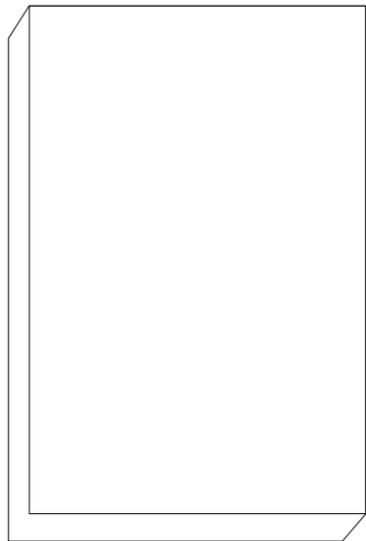
Лера, несмотря ни на что (в каких только тяжких ни обвиняли её дражайшие коллеги-приятели), была человеком добрым и, наверное, скорее светлым, чем не. Обожала дочь, тоже Леру. Радовалась, что стала, ну надо же, ба-буш-кой. Рассказывала про кота. Про маму. Про дальние и ближние страны, в которых удалось жить и бывать... Про то, как играла в канасту, как водила машину... Ну конечно, никакой это не некролог, Лера, т-с-с, терпеть не могу словечко, да и ты, сдаётся мне, тоже его не терпишь! Так обойдёмся без чувствования и сантиментов. Скажу лишь, что всё-таки позвонила сегодня в твою квартиру по тому самому номеру, который почти двадцать лет назад дала мне Татаринова, – проверить, а правда ли...

Долгие, до-ол-гие гудки. Я говорю Бычкову, что напишу так называемый анти-некролог, а потом пытаюсь шутить: «А когда мы умрём – ну, потом, не сейчас, позже, – кто напишет эту штуковину нам?» – «Господь Бог и напишет», – серьёзно отвечает Бычков. – «Он может, да...» – киваю я, листая твои стихотворения, Ле-ра (они, кстати, менее интересны, нежели твоя тончайшая проза). Но как же хорошо, как здорово, что ты приключилась в моей жизни! О, это точно не было какой-то там скучной историей: это был фейерверк... странненький такой, ещё тот, о майн готт, фейерверчик! Да, на шарике сём любят любить посмертно, а ненавидеть – при жизни... Что, что ты сказала снова? Плохо слышно, прости, здесь очень плохая слышимость! Дикая, ну просто дикая связь, много шума из ничегошеньки, как всё запущено, прости-прощай же, смешная Лера, чудесная Лера!

Наталья Рубанова

БИБЛИОСФЕРА

Поморы согреваются добротой

Павел Кренёв.
Тёплый песок Беломорья.

— М.: Проспект, 2025. —
592 с. — 1000 экз.

Отношения Павла Кренёва с читателями всегда были и остаются взаимно тёплыми. В разных городах нашей страны и за рубежом постоянно устраиваются творческие встречи, на которые неизменно приходит много читающей публики, с уважением относящейся к произведениям известного писателя. Всегда на них идёт серьёзный заинтересованный разговор о состоянии литературного процесса в России, о новинках прозы и поэзии, о современных писателях, о творчестве самого Павла Кренёва. Писатель называет эти встречи «ласковым душем, очищающим сердце». Одна из таких ярких встреч, например, состоялась весной прошлого года в Париже, где французская публика с восторгом обсуждала повесть писателя «Девятый», переведённую на французский язык переводчиком из Бельгии Тьерри Мариньяком.

О Кренёве теперь много пишут и в федеральной, и в региональной прессе. Его называют одним из лучших современных российских писателей. Известность его ширится и в связи с тем, что неизменно ежегодно он получает всё новые и новые литературные премии.

Так, в 2019 году писателя наградили престижной греческой (Гомеровской) премией «За вклад в культуру». С тех пор копилка его наград заметно пополнилась. В ней — медали за победы на всероссийских литературных конкурсах имени Фазила Искандера, Д. Мамина-Сибиряка, на международном фестивале-конкурсе «Русский Гофман»; ему присуждена первая всероссийская премия им. Николая Лескова «Очарованный странник». Также Павел Григорьевич является лауреатом престижной Патриаршей литературной премии, вручённой ему в 2021 году. Минувшим летом писатель занял

первое место на карельском конкурсе «Петроглиф». А осенью этого года Кренёву были одна за другой вручены три (!) литературные премии от имени трёх губернаторов российских регионов: Кировской (Гриновская премия), Оренбургской (Аксаковская) и Нижегородской (международная премия Данко) областей.

Однако не бывает много сладостей без доли горчинки. Павел Кренёв сетует, что не помнит уже, когда его столь заметные литературные успехи поминались бы добром в родном архангельском краю. Ведь каждому писателю хочется этого. Тем более что Кренёв все свои произведения и книги (а их уже тридцать) посвящает только ей — родной и близкой архангельской земле, где на берегу Белого моря родился сам, где покоятся могилы его предков. Но нет публикаций о нём в местной прессе, не вспоминают его и на радио. Давно уже не фигурирует его имя на областном телевидении. Может быть, забыли хорошего писателя земляки?.. Может, и впрямь «нет пророка в своём отечестве»?

Если так, то это по-настоящему обидно. Ведь тысячи читателей со всей России заочно влюбились в Поморье (и что уж там, в поморов) именно благодаря книгам Кренёва.

дневность наполнена борьбой и тяжёлым физическим трудом? Крепость характера, смелость, верность своим идеалам, здоровье — физическое и нравственное, но ещё — способность жить в мире и дружбе с соседями, прочные семейные узы. И, конечно, чувство юмора. Ему — простоватому, порой грубоватому, но какому-то по-детски наивному и трогательному, посвящён не один рассказ сборника. Весёлые розыгрыши, которые поморы «учиняют» друг над другом, описаны в рассказах «Благогодать», «Дурачества летнего берега», «Казус на делянке». Вот как пишет об этом сам Кренёв: «Наверное, на фоне непростой жизни на Севере больше всего люди нуждались в добрых эмоциях, в улыбке, в смехе, поэтому в народных сказах, в житейских историях очень много места всегда уделяется шутке, весёлой ситуации. Поморы весьма самокритичны, практически все деревенские истории насыщены иронией над самими собой». Примечательно, что розыгрыши героев рассказов — беззлобны и безобидны. Вот 50-летний рыбак насаживает на крючок пластмассовую игрушечную рыбу, чтобы подшутить над товарищем; вот деревенские парни втаскивают ночью в дом уважаемого старика промёрзшие сани... Читая об этих проказах, невольно распылаешься

потому как дневное светило спряталось совсем ненадолго — слишком близко от краешка моря, и Земля не смогла полностью скрыть ни радостного свечения, ни солнечного тепла. Над огромной, в полнеба, западной стороной горизонта весь остаток ночи полыхало гигантское свечение, красное и розовое в нижней части, а чуть выше — к середине неба — слегка затемнённое тёмно-серебристыми, красноватыми снизу перьевыми облачками, уходящими ввысь и видно, что улетающими за горизонт, гонимыми резвым там, в небесах, восточным ветерком. Море в этот час, лоснящееся, спокойное, отражает все тона и краски лежащего на его поверхности неба, буквально сливается с ним, образуя невероятно гигантскую, единую картину воздуха и воды. Вокруг благодать по-северному скромных, но нежных красок первой половины северного лета. Уже чувствуете непреодолимое желание взять билет на самолёт и увидеть этот пейзаж своими глазами?.. Ну а работа автора с языковыми средствами заслуживает отдельной объёмной статьи.

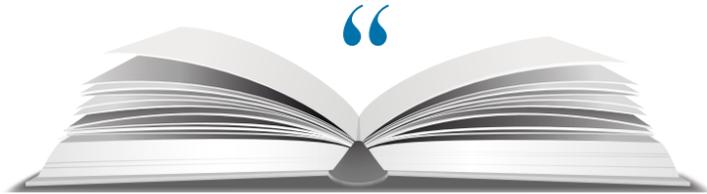
Ещё одна тема, проходящая красной нитью через сборник, — тема отрочества, превращения деревенских мальчишек в мужчин. Как отличаются подростки-поморы от изнеженных ровесников из города! Как рано они, будущие кормильцы, взрослеют! Мальчишки в рассказах Кренёва отправляются на дальние озёра, чтобы наловить рыбы («Мужской поступок»), сражаются со штормами («За форелью»), ну а девятилетний Егор, пришедший помочь овдовевшей матери на заготовках сена («И на земли мир...»), и вовсе настоящий «мужичок с ноготок». Важно, что инициация в рассказах Кренёва связана всегда с важнейшими для выживания промыслами — рыбалкой и охотой, а также сельским хозяйством. Умение добывать пищу и работать руками — вот что делает мальчику мужчиной.

Ну и, конечно, нашлось в книге место рассказам про животных — «Беспалый», «Мишка», «Свяня». Они у Кренёва — в лучших традициях русской классики. Здесь и наблюдательность охотника, и взгляд на животных как на равных, как на соседей по планете, а не свысока; и добрый юмор, и восторг перед божьим творением.

Вообще подлинно христианская любовь к миру, к природе, к животным и людям пропитывает каждую страницу этой книги. И от неё действительно становится тепло — несмотря на свистящие меж строк северные ветры.

Анастасия Ермакова

“
*Подлинно христианская любовь к миру,
к природе, к животным и людям
пропитывает каждую страницу этой
книги.*
”

Для этих читателей — радостная весть. Недавно вышел из печати его очередной большой сборник «Тёплый песок Беломорья», в который вошли как уже опубликованные, так и новые повести и рассказы («Поздней осенью на Казанскую», «Светлый-пре-светлый день», «Дедушко Павлин», «Шелоник» и др.), так и новые произведения.

На первый взгляд название книги содержит в себе некоторый оксюморон: берег Белого моря подсознательно воспринимается нами как холодный суровый северный край, где настоящего тепла и не бывает. Но то, что недодала природа, с лихвой компенсируют люди. Об этом — «Тёплый песок Беломорья».

Что помогает человеку выжить в непростых климатических условиях, когда повсе-

в улыбке. Есть тут и просто курьёзные ситуации, случившиеся без чьего-либо умысла. Например, в основу рассказа «Деревенский бег с препятствиями» легла реальная, как утверждает автор, история о коварном похищении чудного куса сёмги и ни много ни мало олимпийских медалей... Тут и там вспыхивают в текстах искорки доброй авторской иронии (и самоиронии), обаянию которой невозможно противостоять.

Но даже в таких весёлых рассказах находится место лирике, потрясающе поэтичным описаниям природы. Кренёв работает как художник-импрессионист, не жалея красок: «На этот раз солнышко примерялось-приме-рялось, да и улеглося за земную кромку, в уютную ложбинку между морем и небесным краем. Темнота не окутала землю,

ПРОЗА

Музыка дождя

Фэнтези

Юлия Старцева

Родилась в 2009 году в городе Воронеже. Автор более 1300 сказок, рассказов о природе, фэнтези и четырёх книг. Почётный дипломант Международной литературной премии имени В.В. Бианки (Минск, 2018), награждена дипломом «За яркий литературный дебют» I Международного фестиваля им. А.С. Пушкина (Крым, 2019), награждена дипломами I степени за литературные конкурсы Международного фестиваля искусств Кубок России по художественному творчеству (Москва, Санкт-Петербург, 2017–2023). Дипломант, лауреат 97 международных детских литературных и архитектурных фестивалей и конкурсов, проходивших

в России, Китае, Португалии, Люксембурге, Великобритании. Награждена дипломами Союза архитекторов России и дипломами лауреата Международного архитектурного фестиваля «Зодчество» (Москва); является победителем Всероссийского архитектурного открытого творческого конкурса «АрхКонцепция» (Санкт-Петербург, 2022). Шестнадцать персональных выставок (2015–2024) состоялись в Воронеже, Угличе, Феодосии, Евпатории, Симферополе, Сочи.

Бывают дни, когда светит солнце, ранний рассвет раскрывает новый день. Ветер не шелухнет ни листочка. Бывает, что не видно раскрытие нового дня, он приходит тайно, сквозь туманы, облака и серые тучи. Бывает, что день не заметен сквозь серую пелену и даже непонятно, есть ли выше неё что-нибудь, как будто она граница всего возможного. Капают крупные капли: раз, два, три... Потом идёт небольшой наклонный дождь, шумит, а потом стихает, проглядывает луч солнца. Капают капли: раз, два, три... и идёт легкий дождь. Ветер напеваает на нём музыку, но никто и никогда не задумывался, почему у дождя есть разное настроение.

Далеко-далеко, на самой высокой горе стоит огромная Столбовая башня. Она похожа на огромный-огромный столб, как связь между космосом и землёй. Красивой её верхушки отсюда никто не увидит. Она скрыта за пеленой облаков. Здесь никогда не бывает безоблачного неба, здесь всегда кучкуются тучи. Прямо под самыми тучами есть три окна-балкона — это как будто мосты, которые уходят в никуда, не заканчиваются, они словно растворяются в пустоте. На них выходят три девушки-музыканта, похожие друг на друга.

Одна из них имеет синюю шаль, которую поддерживают летучие мыши. Её глаза смотрят вдаль, как будто стараются увидеть конец моста. Вторая почти вся закрылась, будто бы спряталась под полупрозрачной зеленоватой шалью. Её поддерживают филины, которые тоже смотрят вдаль. И никто не может сказать, о чём они думают. Третье окно — в нём стоит совсем юная эльф-музыкант, на которую накинута прозрачная розово-золотая шаль.

На правой руке каждой надет амулет. Сквозь стены башни, сквозь все коридоры их связывает невидимая серебряная нить, соединяющая амулеты и огромную статую Чародея-предсказателя, находящегося в самом низу Столбовой башни. Сам Чародей-предсказатель ходит по залу и распоряжается временем, будущим. Вокруг него находится множество колб, чанов и просто маленьких листочков с записями, на которые он смотрит. Бывает, он что-то смешивает, читает, говорит, смотрит на ту статую, и звучит её таинственный голос сквозь эти прозрачные серебряные нити, невидимо соединяющие воедино музыку и пространство. Та, что имеет прозрачную розово-золотую шаль, которую поддерживают розовые пеликаны, играет нежно, сквозь светящее солнце, а иногда и без солнца. Когда идёт дождь, то всегда слышна чуткая, тонкая музыка его струй. А почему струи? Почему струи дождя? Это струны арфы, на которой играют эти музыканты. От них сизые лисы бегают с какими-то предсказаниями, бумагами и картами мест звучания данной музыки, юркают в подземные норы, находящиеся у основания Столбовой башни.

Однако в один день эта связь прервалась. Музыка всё играла. Нежные, тонкие и в то же время сильные и уверенные в себе звуки арфы становились всё более робкими, так как прервалась связь с Чародем-предсказателем. Амулет передавал свой смысл, но сизые лисы, почему они не приносят новую карту музыки?

Что же было тем временем? Сизый лис, один из 12 сизых лисов, бежал со свитком по огромным узким коридорам Столбовой башни. И вдруг что-то зашуршало, зашелестело. Тут лис понял, что он уже не бежит, и он не мог понять,

что происходит. И вот всё стало вокруг серым, зелёным, синим, фиолетовым, белым и вообще цвета такого, которого не существует. Но где же оказался лис? Он точно был не в Столбовой башне. И где, где бесценный свиток?

А тем временем Эдлфас — злой чародей торжествовал! Он, как и Чародей-предсказатель Столбовой башни, когда-то вместе обучался у одного из величайших волшебников своего времени, вечность лет тому назад. Только каждый выбрал свой путь: Чародей-предсказатель создал Столбовую башню и в ней управляет настроением жизни и её красотой, а Эдлфас не смог найти себя как настоящего волшебника-создателя. Его зависть с каждым днём росла, когда он смотрел со своего невидимого корабля на Столбовую башню. Его корабль летел по воздуху вокруг неё, и он слышал эту прекрасную музыку, которая говорит, подсказывает людям. И с каждым днём Эдлфас становился всё темнее, темнее и темнее, и наконец он стал чёрным. Но чёрным был, точнее, не он, а его душа. И вскоре он понял, что может сделать.

— Пусть я не нашёл себя как волшебника-создателя, но почему я себя не могу найти как волшебника-разрушителя? Такие волшебники тоже существуют, — размышлял Эдлфас.

И не задумываясь о том, что он будет рушить, он принялся за дело. Создав огромную глубокую воронку, он поймал туда одного сизого лиса, направив в потоке воздуха его далеко-далеко от Столбовой башни, на какую-то гору, поросшую лесом. А самое бесценное и главное — свиток с информацией о музыке — он забрал себе.

— Ну что ж, мы победили, теперь мы всё знаем. Чародей-предсказатель хотел сыграть музыку мира, предсказав всему вокруг спокойствие на тысячи лет. Разве мы это можем допустить? Мы будем

с помощью Столбовой башни играть другую музыку, призывающую к вражде. Где моя высокая колба?

И Эдлфас опустил в неё несколько горошин неизвестного растения, залил водой и произнёс таинственные слова. И вскоре колба зашевелилась, потом разбилась, что-то начало носиться, и вдруг выскочил сизый лис, точно такой же, как тот, что сейчас находился в лесу. Только без его знаний и ответственности за свою миссию. Ему вручили свиток, переписанный так, как хотелось Эдлфасу.

Эдлфас взял огромный телескоп и посмотрел на башню со своего летучего невидимого корабля.

— Беги, отнеси этот свиток музыкантам!

И лис вдруг оказался на месте настоящего сизого лиса, передав музыкантам новое приказание. И вдруг музыка дрогнула и остановилась...

— Вы думаете, мы это должны сыграть? Но ведь Чародей-предсказатель предрекал совершенно другое. Разве он этого хотел?

Конечно же, музыканты не знали о существовании своего врага — волшебника. И вот начала звучать новая музыка: музыка опасности, музыка напряжения... А Чародей-предсказатель не понимал, почему такая ужасная музыка звучит. Торжествовал на свете только один Эдлфас. Он становился с каждым днём всё злее, и радость ему приносило лишь только то, что зло воплощается. Он тоже хотел что-то создавать, а не рушить, но не знал, что именно. Поэтому он разрушал всё созданное, так как хотел быть волшебником, а быть — значит что-то делать. Лучше не создавать ничего, чем сделать что-то плохое и разрушающее. Однако он этого не понимал.

Тем временем Чародей-предсказатель был очень озадачен. Он собрал всех лисов и обнаружил, что почему-то

одного лиса не хватает, именно того, который нёс ценнейший свиток и должен был принести ценнейшее предсказание. Тот лис, которого направил Эдлфас, конечно же, не пришёл, чародей бы его точно отличил. Чародей-предсказатель озадаченно полистал несколько книг... и посмотрел на свою статую. Он смотрел на неё минуту, две... и вдруг она стала становиться всё прозрачнее, прозрачнее, как зеркало, как стекло, как воздух. И он увидел, как сизый лис бежит по горам, и услышал страшный хохот Эдлфаса... И тут он всё понял:

— Осталось очень мало времени, чтобы всё изменить. Ничего, я знаю, что будет, я не отступлюсь от правильного, я сам приду к Эдлфасу.

Увидев своего давнего врага, Эдлфас развёл руками и ещё громче рассмеялся:

— Ну что, хорошо ли звучит твой дождь? Уже бесконечное количество лет музыка поёт лишь о красоте, о добре, о мире. Может быть, пришло время дать всему вокруг иной смысл?

— Нет, это время никогда не должно прийти, его не может существовать, — спокойно сказал Чародей-предсказатель.

Убедённость и сила слов Чародея-предсказателя сильно удивила и испугала Эдлфаса. Его чёрная душа начала сереть, он всё больше злился и злился, и слёзы подступали к его глазам. Постепенно его душа стала белой. Он отвернулся, он не хотел, чтобы Чародей-предсказатель увидел прокатившуюся по его лицу слезу, и, подойдя к огромному телескопу, через который он видел и управлял своим кораблём, разбил его. И вдруг — в самый последний момент музыка стала играть как прежде. И люди стали снова становиться добрее. И музыка стала нести доброту и красоту в мир, стала ещё жизненнее и прекраснее.

Эта музыка очень тонкая, её сложно услышать там, где играет дождь. Её нужно просто слушать, именно вслушиваться в неё, иначе её не услышать. А в волшебных горах она гремит, словно играет симфонический оркестр. Арфе вторят маги, которые распоряжаются волшебством. И они, как будто подсказывая арфе, подтверждая её правильность и красоту, помогают ей звучать. И каждый раз, когда капают капли дождя: раз, два, три... эти капли говорят кому-то, а может быть и вам, что-то важное. Только мало что мы можем понять, не зная язык этой музыки. Но теперь всегда, останавливаясь, мы слушаем и думаем, про что же нам рассказывают, что же нам подсказывают, на что мы решаемся. А капли всё капают и капают: раз, два, три... ■

Человек-локомотив

Машинист Виталий Соснин так и не стал математиком

Как-то рассказывая о быстро сбывшейся детской мечте – стать машинистом паровоза, ветеран-железнодорожник, участник Великой Отечественной Виталий Фёдорович Соснин признался, что профессию ему выбрало нелёгкое предвоенное время. А вот заветная мечта детства – быть учёным, математиком, – увы, так и не осуществилась. Потому что стальным магистралям Соснин остался верен на всю жизнь...

Есть в Тюменской области, в Омутинском районе, село Вагай. В минувшие века оно называлось несколько иначе – Зимовье-Вагайское. Там в сентябре 1923 года в семье стрелочника Фёдора Соснина родился сын Виталий. К паровозным гудкам он привык с первых дней жизни, поэтому предсказать, что юноша свяжет судьбу с железной дорогой, было несложно. В 16 лет Виталий уже являлся дипломированным слесарем по ремонту паровозов. Потом работал кочегаром, помощником машиниста. 22 июня 1941 года в очередном рейсе он узнал о том, что началась война.

Весной 1942-го Соснин призван в армию. Он давно рвался на фронт, даже не достигнув призывного возраста. Хотя служба на железной дороге в то время приравнялась к воинской, а в тылу, как справедливо говорили, всегда есть место подвигу, молодой сибиряк считал, что судьба войны решается на полях сражений. Его направили в Тюменское пехотное училище. До полноценного выпуска дело не дошло – через два месяца курсантов в срочном порядке послали на передовую. Командирского звания Соснин не получил, но из училища прибыл на фронт в добротных офицерских сапогах. Под Сталинградом их не снимали с позиций даже в часы отдыха: бойцов в любую минуту могли бросить в бой, тут уж не до переодеваний.

Миномётчик Соснин сражался доблестно. Летом 1942-го получил опасное осколочное ранение в живот, но в госпитале пролежал недолго и вернулся в свою часть. А вскоре последовал приказ Ставки – машинистов перевести с передовой в родные депо: железной дороге остро не хватало кадров...

Он служил машинистом в составе колонн паровозов особого резерва. В том числе в районе Сталинградской битвы, которая завершалась наступлением Красной армии, сужавшей кольцо вокруг гитлеровцев. В 1944 году Соснин до конца понял, что служба машиниста в военное время не менее опасна, чем солдатская. Ремонтируя паровоз,

Виталий Фёдорович Соснин (1923–2013)

он получил тяжёлое ранение. Обгорел. Несмотря на тяжёлые ожоги, довёл состав до Тюмени и только после этого – в больницу. И снова лечение на скорую руку, а потом в локомотив.

Хорошо зная Соснина журналист Людмила Касперова вспоминала, что он преклонялся перед мужеством женщин, которые не жалели себя ради Победы, работая и сражаясь за Родину рядом с мужчинами. К примеру, Надежда Суворова, которая была и кочегаром на паровозе, и помощником машиниста Соснина.

Конечно, всю тяжёлую работу выполнял Виталий Фёдорович. Однажды к нему обратились женщины – помощник машиниста и кочегар – с такими словами: «Мы пойдём в депо и станем говорить, чтобы нас от

вас убрали: видим, как у вас уже третья гимнастёрка от пота, от тяжёлого труда расплывается. Вам мужики в помощниках нужны».

В 1945 году за успешное выполнение задания правительства и военного командования фронтовику-машинисту вручили знак «Почётный железнодорожник».

После войны Соснин – один из первых тюменских машинистов тепловозов. Паровозы уходили в прошлое, нужно было работать по-новому. Он стал машинистом-тяжеловесником, лучшим по всем показателям в родном депо. Одновременно учился. Стремился всесторонне познать современную технику.

1 августа 1959 года за выдающиеся успехи, достигнутые в развитии железнодорожного

транспорта, Виталию Соснину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он заслужил его ещё в годы войны, но награда нашла железнодорожника в мирное время.

В 1972-м опытного машиниста, так и не ставшего математиком, получившего к тому времени не только опыт, но и высшее образование, назначили начальником Свердловской железной дороги. Именно в то время она, единственная во всём Советском Союзе, станет дважды орденоносной. Это не просто строчка в летописи стальных магистралей: такие награды давали только за очень весомые достижения. Важнейшая транспортная артерия промышленного края не подводила, выполняла напряжённый план, Урал и Сибирь сыграли решающую роль в рывке, который сделала в 1970-е годы советская экономика. Это потом спичрайтеры Михаила Горбачёва назовут тот период застоём, по принципу «вали всё на предшественников». В реальности же страна развивалась, реформировалась, причём (впервые в нашей истории) на фоне роста, а не снижения уровня жизни. Так было и в железнодорожной отрасли. Строились новые транспортные узлы, модернизировались старые, нарастали объёмы грузовых перевозок, каждый год выполнялись задания по внедрению новой техники. Железная дорога менялась, а Виталий Соснин оставался незаменимым человеком.

Многие с гордостью называли себя его учениками. Виталий Фёдорович был человеком пунктуальным и в то же время открытым. С особенным вниманием относился к молодым специалистам, в его кабинет заходили без дрожи в коленях. Знали, что начальник справедлив и мудр.

Передовиков-машинистов нередко выдвигали в руководство, однако далеко не всегда

им удавалось адаптироваться к управленческой работе. У Соснина же это получилось безукоризненно, о чём в Москве было хорошо известно. В 1977 году его назначили заместителем министра путей сообщения СССР (кресло руководителя ведомства тогда как раз занял Иван Григорьевич Павловский) и одновременно начальником Главного управления промышленного железнодорожного транспорта. Соснин курировал всю энергетику отрасли, в его ведении находилось 500 депо, 96 заводов. Сорокалетний опыт работы на железной дороге помогал разобраться в этой «груде дел, суматохе явлений». Сотни дней и ночей в командировках, ответственность за жизнь десятков тысяч людей, решения, от которых зависели судьбы многих предприятий, – такова работа замминистра который перестал быть машинистом, но остался настоящим локомотивом железнодорожного дела.

С высокой должности Виталий Фёдорович ушёл в 1985-м. Но не ушёл из отрасли: трудился в НИИ железнодорожного транспорта. Хватало забот и в Совете ветеранов.

Солдат, машинист, управленец, он прожил почти 90 лет. Когда-то он был самым молодым помощником машиниста в Тюменском депо, а уходил на покой, будучи признанным дуайеном железных дорог. Никогда не терял интереса к развитию отрасли, следил за техническими новинками. Друзья не сомневались: секрет долголетия Виталия Фёдоровича Соснина в том, что он нашёл себя в профессии и познал в ней всё. Герою Труда выпала уникальная судьба: он успел поработать в годы первых пятилеток, прошёл войну и как солдат, и как машинист, после войны бил рекорды на тепловозах и стал умелым и компетентным руководителем.

30 июня 2012 года имя Соснина присвоили электровозу 2ЭС6 № 50, приписанному к локомотивному депо Свердловск-Сортировочный. Это был первый именной электровоз, выпущенный на заводе «Уральские локомотивы». С 2020 года лучшие студенты Уральского государственного университета путей сообщения получают стипендию имени Виталия Соснина. Ну а паровоз ФД-3331, на котором Виталий Фёдорович когда-то начинал свой трудовой путь, сегодня стоит на пьедестале неподалёку от клуба «Железнодорожник» в Тюмени. Как память не только о человеке, но и о поколении победителей, к которому принадлежал наш герой.

Паровоз Виталия Соснина около клуба «Железнодорожник» в Тюмени

Арсений Замостьянов,
заместитель
главного редактора
журнала «Историк»

ОФОРМИТЕ БИЛЕТ ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ

в официальном
мобильном приложении
«РЖД Пассажирам»

rzd.ru
8 (800) 775-00-00

ОАО «РЖД», ОГРН 1037739877295, 107174, г. Москва, Новая Басманная ул., д. 2

Реклама 10+

32 КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Александр Вульх,
администратор

КОМАНДОВАТЬ ПАРАДОМ БУДУ Я

Стихи про себя

***

Я все стены покрашу в белый,
Испишу их стихами на вкус,
Переставлю в парадной мебели,
Поменяю все лампочки люстр.

Сразу станет уютно в доме —
Муза сядет верхом на коня!
Всё вокруг переменится, кроме
Одного разгильдяя — меня.

***

Я успел на последний автобус,
Значит, скоро приеду домой.
Значит, скоро любимый мной голос
Зазвенит над больной головой.

Я же встречу его улыбкой,
Да такой, что на зависть судьбе!
И скажу: «Если был бы я скрипкой,
То смычок подарил бы тебе».

***

Я бы в сборной играл по футболу,
Защищал бы амурского тигра,
Изобрёл бы свою кока-колу,
Открывал Олимпийские игры,

Я и в космос летал бы в апреле
С разрешения всех генералов,
Только некогда мне в самом деле —
Я сегодня смотрю сериалы.

***

Я с утра занял очередь в банке
И на почте полдня простоял,
Собирался в Театр на Таганке,
Но и там постоянный аврал.

В поликлинике та же проблема —
К врачу пробиваю талон.
Интересно, а к Богу на небо
Мы по записи тоже идём?..

Евгений
Плаксин

ОТВЕТ ЕСТЬ ЭКВИВАЛЕНТ МЫСЛИ

ОТ БАРТО

Идёт старик качается,
Подвыпивший чуток.
Крещенский день кончается,
И падает снежок.

Елизавета Евстигнеева

Сидит поэт, качается,
Хлебнул на посшок.
Короткий день кончается
Но не рождён стишок.
Никто его не выручил,
Но помощь есть зато,
Тому, кто в детстве выучил
Всю Агнию

Барто.

Евгений
Минин

ЛЁД ТРОНУЛСЯ Коварная сила искусства

Чтобы спасти мужа от алкогольной зависимости, Катя Куклина стала приобщать его к шедеврам мировой классической музыки.

Только Федя входил в квартиру, как преподаватель детской музыкальной школы включала для него «Половецкие пляски» Бородина.

Супруг засыпал под «Голубой Дунай» Штрауса. Просыпался под «Токкату и фугу ре минор» Баха. Уходил на работу под «Рассвет на Москве-реке» Мусорского. Ужинал с Чайковским.

После двух недель эксперимента Катя решила проверить, сумеет ли Федя отличить вальсы Штрауса-сына от вальсов Штрауса-отца. Но Куклин даже не вспомнил имена композиторов.

Катя достала мужа «Полётом шмеля» Римского-Корсакова, и «Танцем с саблями» Хачатуряна. Всё вхолостую!

И тут подруга из музыкальной школы предложила сводить Куклина в концертный зал.

— Живая музыка воздействует сильнее! — внушала она. — Мы с учащимися каждый месяц ходим в филармонию.

— Федя не пойдёт! — сомневалась Катя.

— Намекни, что в антракте будет буфет с выпивкой.

Катя намекнула — Куклин не устоял.

Давали «Песни любви» Брамса в исполнении филармонической хоровой капеллы. Едва заняв места в партере, Федя спросил:

— Когда пойдём в буфет?

— В антракте.

— А он скоро?

— Минут через сорок.

— А в буфете точно есть коньяк?

— Всегда был.

Из-за кулисы, как чёрт из табакерки, в чёрном фраке на худеньких ножках выскочил дирижёр, взмахнул дирижёрской палочкой — и капелла запела.

— Интересно, на каком языке они поют? — напрягся Куклин.

— На немецком! В программке есть перевод.

Но Федя никак не мог оторваться от дирижёра.

— Смотри, смотри: он убежал за кулису!

— Так положено.

— Гляди, снова выскочил!

— Тише!

— Опять исчез. Может, в буфет побежал?

— Не говори ерунду!

— Две песни отмахал — и за кулису!

— Он там ждёт наших аплодисментов.

— А вдруг у него там столик с коньяком?

— Не суди всех людей по себе!

— Точно поддаёт! Смотри: мы захлопали, он выскочил и улыбается! Мужики в капелле как приколоченные стоят, а этот махнёт за шторой рюмку коньяка — и счастлив. Хорошо устроился.

— Прекрати!

— Смотри, снова убежал!

— Больше не возьму тебя в филармонию! — пригрозила супруга.

— Не больно-то и хотелось! — бросил Куклин и отправился искать буфет.

Буфет был на замке: гардеробщица сказала, что он закрыт на ремонт.

— Не зря дирижёр бегаёт за кулисы! — буркнул позеленевший от злости Куклин и вечером объявил Кате о разводе.

А на следующий день музыкальный эксперимент стал приносить плоды: вместо рюмочной Федю потянуло к уличным музыкантам. Он часами наслаждался их игрой, познакомился с гитаристкой и самостоятельно освоил гитару.

Однажды возвращаясь с работы, Катя Куклина увидела на афише знакомую фамилию. Надела очки и прочитала: «Сегодня концерт лауреатов районного конкурса самодеятельности Лизы Петрушиной и Фёдора Куклина «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»».

Олег Гонозов

ЖИЗНЬ — ЭТО СЛОЖНАЯ ШТУКА

Заметкости классика

Новый ектесиаст

Есть время, когда оно есть, а есть — когда его нет.

Есть время есть, а есть время не есть.

Очень маленькие трагедии

Утром поехал в поликлинику, а заботливо приготовленную баночку с мочой для анализа забыл. А путь неблизкий. Совсем моча из головы выпала.

Концерт. История современности

Пошли на концерт. Вернее, поехали. Не важно. Шопен, и всё такое. Пришли. Объявили, чтобы выключили мобильные устройства. Хватился своего телефона. А его нет. Всего себя обшарил. Нет и нет. Весь концерт думал о телефоне. Какой уж тут Шопен! Приеха-

ли — телефон ждал дома. Но всё равно Шопена жалко.

Анекдот. Сам придумал

Один олигарх другому: — Работашь, работашь, а пенсия всё равно маленькая.

Про людей искусства и литературы

Сегодня мы имеем возможность наблюдать, как люди становятся известными тем, что громко хлопают крыльями, но ни разу не сумели взлететь.

Разводят стариков

Сегодня позвонили и попросили сообщить номер банковского счёта. Якобы от КГБ. Я не растерялся и сказал, что КГБ уже давно нет, а есть ФСБ. Смутились и повесили трубку. Нас, стариков, на мякине не проведёшь.

Лев
Новожёнов

ЧУДАКИ

